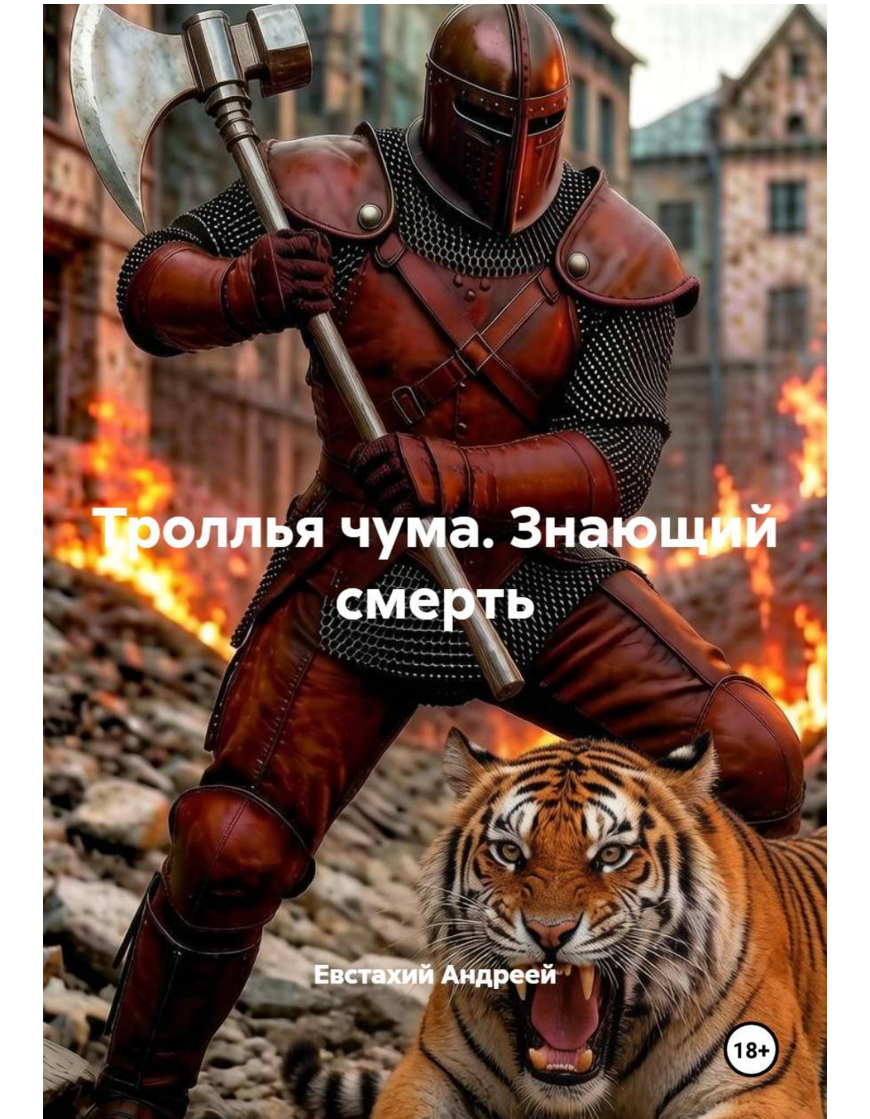




Тролля чума. Знающий смерть

Евстахий Андреев

18+

Евстахий Андреей

Тролля чума. Знающий смерть

<https://litres.ru/74584919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Грид по прозвищу Тролля Чума — единственный алмазниковый искатель Ревгара: два метра роста, топор Черепок на плече и работа, которую в гильдии выдают. Значит, в округе завелось то, с чем больше никто не справится.

А в округе пошло неладное. Отряды уходят на север и не возвращаются, деревни по ночам теряют скот и людей, и твари, чьи повадки Грид знает лучше, чем свои шрамы, начинают вести себя не по-своему: ждут, обходят, ставят западни. За всем этим стоит чья-то воля — старая, терпеливая и очень далёкая от человеческих понятий о добре.

Тёмное фэнтези о громиле, который любит рыбалку, о девчонке-кошколюдке с луком и о том, чем кончаются охоты, где добыча тоже умеет думать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Резня и надежда	11
Глава 2. Пробуждение и реальность	22
Глава 3. Зелёная угроза	42
Глава 4. Поход по магазинам.	67
Глава 5. Это моя работа	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Евстахий Андреей Тролля чума. Знающий смерть

Пролог

Он проснулся за мгновение до того, как мир успел его разбудить: за ставнем только-только набирал дыхание петух, а Грид уже лежал с открытыми глазами и слушал, как в остывающем камине шевелится пепел. Полоса утреннего света легла на пол, как отточенное лезвие, и вдоль неё стоял в углу Черепок — два метра адамантия, полсотни килограммов терпения.

Он поднялся. Кожа подсохла за ночь, шрамы на плечах стянуло, будто старую карту битв, которую забыли развернуть. Вода, вымороженная из утреннего воздуха, стекла в ладони и обожгла лицо.

А потом он увидел: на столе, между рыболовных крючков и горсти медных тув, светилась карточка. Ровным зелёным, настойчивым — так светится гнилушка в ночном лесу, так светится металл перед грозой. Гильдия Искателей Приключений звала.

Грид стоял и смотрел. Дешёвых зовов ему уже давно не

присылают: гильдия знает и цену, и кого звать, когда в округе завелось то, с чем другие не справятся.

Работа не спрашивает, удобно ли. Он сел и потянулся за сапогами.

Утро выдалось такое, что грех было не сойти к озеру. Солнце поднималось из-за северных хребтов широко и щедро, воздух после ночи стоял прохладный, и в нём уже пахло водой, дымом и разогретой смолой. На мосту Грид остановился и посмотрел на юг: за черепицей и трубами лежали озёра, и в такое утро карась, поди, брал бы на что угодно — хоть на голый крючок. Он постоял, вздохнул и пошёл дальше. Черепок за спиной покачивался в лад с шагом, кольчуга шуршала, а город вокруг просыпался вразнобой: торговки, возчики, чей-то смех из раскрытого окна.

В гильдии пахло духотой, чернилами и мокрым сукном. Кети подняла голову от стойки, отложила перо и перебрала карточки в ящике, будто нужную искала дольше, чем требовалось.

— Раньше тебя в это время только разве что на реке можно было увидеть — сказала Кети и тут же выпрямила спину, возвращая лицу служебную строгость: щёки её выдавали дешевле всякого заклятья.

Грид глянул на доску с заказами, на стопку вчерашних выполненных заданий, на свечу, которой оставалось догореть до половины, и промолчал — разговорчивым он с утра не бывает.

— С ночи двое железных вернулись из Низин, — она перебрала бумаги и придержала доску ладонью, словно та могла уйти сама. — Один не вернулся вовсе. Отрядов в городе мало, Ларс со своей «Бурей» ушёл на север ещё вчера.

Свеча треснула, стрельнул фитиль. Кети взглянула наверх, где за перегородкой скрипело кресло, и понизила голос до полушёпота.

— И ещё. Глава с самого рассвета тебя ждёт. Велел: появится — сразу ко мне, не задерживаясь.

Грид поправил ремень и шагнул к лестнице.

Кабинет главы пах старой бумагой и воском; кресло под Дирком скрипнуло, когда он поднялся навстречу — грузно, как поднимается с мели груженный баркас.

— Живой, — сказал он вместо приветствия, оглядел Грида с головы до ног и хлопнул ладонью по плечу, где коженный наплеч отозвался глухим звуком. — Садись. Чаю нальёшь себе сам, я тебе не прислуга.

Он и сам уселся, побарабанил пальцами по столешнице, помолчал — молчал он долго, зато слова клал, как камни в кладку.

— Не рыбачил сегодня, — не спросил, а утвердил Дирк. — ну значит не судьба, к обеду уже будешь на тракте.

Улыбки он не показал, зато подобрел лицом и подвинул через стол лист с картой.

— Селение называется Крутобережье, — Дирк ткнул пальцем в изгиб реки на карте. — Лет пятьдесят стоит: рыба,

пушнина, плоты в Ревгар гоняют. Народу немного, все свои, зверолоуди. Гонцов оттуда ждут через день, а тут — тишина третьи сутки, и обоз не пришёл.

Он откинулся в кресле, и дерево под ним застонало.

— Перед этим видели огров. Не по одному, а ватагами, и всё ближе к деревне. Откуда им тут взяться — вопрос. Хребет огра к северу стоит давно и сидит смирно, а теперь шевелится.

Палец прошёл по тракту до самой границы листа.

— Иди один, ты сам как целый отряд отряд. Разведай, что с людьми, и убери угрозу, коли она есть. Казна даёт три больших золотых за разведку, за камни огров — по счёту отдельно. Бумаги оформит Кети.

Грид поднялся, и половица под ним отозвалась тихо, будто в доме стало на одного медведя больше.

— Беру, — сказал он. Больше слов не потребовалось: Дирк кивнул, будто другого и не ждал, и потянулся за печатью.

Грид уже взялся за дверь, но остановился, и в этом коротком промедлении было больше смущения, чем в любой из его битв.

— Ёкс дома, — проговорил он хрипло. — Кот. Я вернусь через пару дней, а он не поймёт. Пришли кого-нибудь покормить, лучше Кети: он её знает и не сожрёт.

Стальной Бык посмотрел на него долгим взглядом, и в этом взгляде мелькнуло что-то, чего он потом сам бы не при-

знал: нежность, что ли. Или просто усталая зависть человека, у которого дома никто не ждёт, кроме жены и дочери.

— Покормят, — пообещал он. — Иди уже.

За воротами тракт сразу пошёл в гору, и город остался позади — сначала шумом, потом дымом, потом и вовсе ничем. Грид шёл ровно, как ходят люди, знающие, что до вечера им ещё шагать и шагать, и дорога под сапогами отзывалась глухо, будто по ней стучали молотом.

За спиной покачивался Черепок. Грид не поправлял его по дороге: оружие знает свою работу.

Тридцать лет, если считать по бумагам, и куда больше — если по шрамам. Он был сыном исполинши Эммы и человека Доргана, авантюриста серебряного ранга, который первым спустился в Низины и вернулся оттуда живым. Оба остались в разорённой деревне, отданные троллям, и мальчик, видевший это своими глазами, попал в руки Дирка — тот вырастил его, как растят своё: молча и без скидок.

С тех пор Грид вырос. Под адамантиевой кольчугой — кожа тролля, зачарованная на восстановление; сверху наплечники, нагрудник, глухой шлем. Зелёные глаза, чёрная короткая борода. Он не любит, когда лезут в душу: отвечает ухмылкой или молчанием. Но все же он всегда помогал тем кто нуждается, если это в его силах.

Он выбрал место под скалой, где ветер не доставал, и развёл огонь без огнива — пальцы тронули воздух, и в сушняке занялся жар. Вода стекалась в ладони из воздуха, холодная,

как утром в горах он использовал базовое заклинание; Грид напился, облил затылок, бросил в котелок горсть сушёной рыбы и подумал, что будь у него сегодня удочка, ужин был бы совсем другой.

Завтра к обеду будет на месте. Тракт выведет к реке, там Крутобережье — плоты, сети, дым над крышами. Или нет.

Костёр трещал. За спиной, у границы света, сидело неподвижно что-то похожее на дымное облако, и Грид, не оборачиваясь, подвинул к нему тарелку.

— Опять ты, — сказал Грид в огонь. — Тебе что, поесть больше негде?

Дымка за его спиной пошевелилась, будто её тронул сквозняк, и из неё сложился мужчина — молодой, в плаще, который шевелился сам по себе, без всякого ветра. Он подхватил тарелку с той бережностью, с какой берут чужое добро, и уселся на камень так по-хозяйски, словно тут и стоял его дом.

— Где-нибудь есть, — согласился он охотно. — Да где ещё так вкусно солят рыбу и так редко задают вопросы? Ко мне, знаешь ли, обычные люди не подсаживаются. Визжат, зовут жрецов, портят вечер.

Он попробовал рыбу, подумал и зажмурился от удовольствия, а Грид молча подложил в костёр ещё пару веток.

— Скажу тебе одно, — сущность отставила тарелку и посмотрела на Грида глазами, в которых не было ни зрачков, ни дна. — Завтра, если что, ты не расстраивайся шибко. Ты

всё равно не успел бы.

— Куда не успел бы.

— Ты же знаешь, я не считаю вперёд, я просто стою у дороги и смотрю, кто идёт мимо, — он улыбнулся, и улыбка вышла виноватой, как у человека, который врёт только на половину. — Одни приходят вовремя и всё портят. Другие опаздывают и всё спасают. Кем будешь ты — покажет вода.

Огонь стрельнул искрой в темноту.

— Хорошая рыба, — добавила дымка, будто это всё объясняло, и снова стала ничем.

Утром он не стал варить — дожевал холодную рыбу на ходу, залил угли и пошёл, пока солнце ещё висело над хребтом низко и слепо. Тракт подсох, петлял между соснами, и к полудню за деревьями уже угадывалась река: воздух стал сырым, потянуло тиной, и Грид вдохнул глубже, как вдыхают перед работой.

А потом в этот сырой воздух вошло другое. Гарь — старая, въедливая, та, что остаётся от жилья, а не от костра. Кровь, присыпанная пеплом. И поверх всего — смрад, который он узнал бы с закрытыми глазами: огры.

Грид остановился на полушаге и снял с плеча Черепокол. Привычным движением проверил рукоять, взял тяжесть обеими руками и пошёл вперёд — уже не шагом, а тем размашистым, злым ходом, от которого дрожит земля.

Глава 1. Резня и надежда

Дичь в этот раз далась тяжело. Гвен прошла полдня по своим обычным местам и не подняла ни косули, ни кабана: лес стоял пустой и насторожённый, как стоит человек, который слышит, что за ним смотрят. Тогда она повернула к реке, взяла двух зайцев и глухаря и уже к закату вышла на знакомую тропу.

У брода, на мягком иле, ждало то, что портило всю дорогу: следы. Тяжёлые, с длинными отпечатками пальцев, каждый длиной в добрый локоть, и не пара, а целая протоптанная дорога. Огры шли здесь валом, будто по своей земле.

Раньше о них говорили за кружкой и посмеивались: отбились от Хребта, заблудились, уйдут. Теперь про огров молчали. Гвен поправила лук на плече, взглянула на дым над крышами и прибавила шаг.

Она не успела снять с крюка и одного зайца. Сначала с берега донёсся низкий, ровный гул — так гудит большая толпа, — потом хрипло и коротко ударил рог над пристанью, и Гвен уже знала, что он трубит в последний раз.

Она швырнула нож в стол, схватила лук и колчан и вылетела за ворота, в поток бегущих навстречу.

Их было не меньше тридцати. Они стояли по всему берегу, от пристани до крайних подворий, серые, как мокрый камень, широкие, длиннорукие, и половина уже шла вперёд,

не спеша. Над ними, у самой воды, поднимался вожак — головой и плечами выше остальных, с бревном от разбитого наката в кулаке.

Охотники сбились у склада: копья, рогатина, луки. Гвен встала рядом, наложила стрелу и впервые за годы охоты поняла то, что понимает загнанный зверь: их слишком мало, а огров хватит на всех.

Она не запомнила самого удара. Запомнился вес, упавший на плечо и спину, и то, как звук отстал от него, как отстаёт гром от молнии. Огры не добивали лежащих.

Она пришла в себя недалеко от воды. Река была рядом, над ней клубился дым, и под плотом хлюпало. Гвен ползла вдоль плетней, через чужой огород, мимо перевёрнутой телеги, пока впереди не встала своя изба: край, стена, обгоревший угол.

Дверь была сбита с петель, но подпол цел. Она приподняла тяжёлую крышку, спустилась в сырую темноту, нащупала мешки с репой и затянула крышку над собой. Пахло землёй и прошлогодней ботвой. Сверху глухо ударило ещё раз, стены рухнули, но пол выдержал. Гвен закрыла глаза, в голове набатом бил колокол, сознание ускользало...

Он вышел из сосен и встал. Дальше идти было некуда: Крутобережье лежало на берегу — чёрное, дымящееся, и по всему этому, от пристани до крайних дворов, были раскиданы плоты, сети, перевёрнутые телеги, лодка, вросшая носом

в ил, лежало и несколько тел огров .

А у самой воды, на утоптанном пяточке, сидели огры. Двадцать спин, не меньше; посередине, на ворохе досок, громоздился вожак — выше всех, шире всех, бревно под рукой. Они ели. Ели неспешно, обстоятельно, как хозяйка разбирает улов, и то, что они разбирали, ещё узнавалось: копье в чьей-то руке, детская ладонь, хвост, брошенный в общую кучу, будто тряпка.

Тогда в груди у Грида поднялась ярость — тяжёлая, тёплая, как подступающая кровь. Он взял Черепокोल обеими руками и сжал древко до белых костяшек, пока мифрил не отозвался под пальцами сухим щелчком. Огры не поднимали голов.

Грид пошёл. Не шагом охотника и не рывком бойца, а тем ровным, медленным ходом, каким приходит к берегу вода в половодье: сапоги принимали землю, и она отзывалась глухо, как пустая бочка.

Огры заметили его сразу. Ближний ткнул соседа в бок, и по всей куче прошло короткое бульканье — они смеялись, так смеются над тем, что само пришло к столу. Потом один, покрупнее прочих, поднялся: на голову выше соседей, живот как бочка, руки до колен, — и пошёл навстречу, разводя лапы широко, будто собирался обнять.

Смех у него за спиной сделался громче. Грид не замедлил шага.

Огр дотянулся до его плеча — и в тот же миг воздух раз-

резало. Черепок пошёл сверху вниз коротким, экономным взмахом, каким рубят не туши, а сушняк. Голова покатилась по утоптанной глине, и следом легла лапа, которая только что к нему тянулась.

Грид не замедлил шага: одним меньше.

А вожак впервые в своей долгой жизни почувал то, чему не знал имени. Страх поднялся изнутри, из самых костей, и от него стало тесно в собственной груди. Вожак выпрямился во весь рост и заревел — коротко, призывно, — и его прихвостни, побросав объедки, полезли к Гриду со всех сторон.

Боя не вышло. Черепок поднимался и падал — и с каждым взмахом в воздух летели ошмётки: серое, тёплое, ещё живое. Огры лезли с трёх сторон разом, и от этого не менялось ничего; один успел ухватить его за голень но Грид даже не замедлил шаг.

А вожак смотрел. Он был стар и потому знал многое, и сейчас в нём осталось одно короткое, ясное, как удар: бежать. Он велел ногам — и ноги не послушались. Тяжёлые, чужие, они вросли в утоптанную глину, будто там и выросли; он звал их, он кричал им, и ни одна не двинулась. И вожак, который всю жизнь приходил первым, стоял и смотрел, как к нему идёт человек.

Он подошёл вплотную — спокойно, как подходят к костру, — и остановился так близко, что вожак различил запахи: мокрую кожу, дым, чужую кровь. Горло ему сжало, будто обручем.

Грид смотрел снизу вверх — тот был выше на голову — и сказал сипло, ровно, как говорят о погоде:

— Что, страшно, тварь?

Ответа он не ждал. Рука разжалась, и Черепокोल пошёл в сторону: полсотни килограммов адамантия крутнулись в воздухе и легли в жидкую грязь так, что дрогнул берег, а брызги достали до ближних брёвен.

На всём берегу остались двое: человек без топора — и тварь, которой было страшно.

Он ударил ногой — коротко, без замаха, по обеим голеним разом. Кости сложились с сухим щелчком, как переламывают пучок хвороста, и трёхметровая туша пошла вперёд, оседая на него всей своей тяжестью.

Грид не дал ей упасть. Он шагнул в падающую гору, поймал жоака за спутанные волосы, в которых держался дым и жир, и удержал на весу — как держат мешок за горловину.

Тварь, ещё недавно наводившая ужас и упивавшаяся своей силой, висела на его руке: огромная, живая, беспомощная. А Грид не спешил.

Огр не сдался. Даже висая на одной руке, с перебитыми ногами, он потянулся к кулаку у себя в волосах — толстые пальцы, каждый в доброе полено, вцепились в запястье Грида, дёрнули, скребнули по кольчуге.

Это длилось ровно столько, сколько нужно было, чтобы Грид это заметил.

Вторая его рука пошла вбок — движение лёгкое, почти

ленивое, каким отводят от лица ветку. Хрустнуло дважды, коротко и сухо, и обе лапы вожака обвисли вдоль тела, как мокрые верёвки; пальцы ещё шарили в воздухе, но уже ничего не держали.

И вожак затих.

Он разжал пальцы. Вожак рухнул в грязь всем своим весом, взметнув брызги, и остался лежать словно куль с дерьмом: серый, беспомощный, скулящий в глину тонким, не идущим к такой туше голосом.

Грид посмотрел на него сверху, как смотрят на вещь, которой больше нет применения, поднял ногу и опустил.

Голова лопнула, как перезревшее яблоко: без хруста, без сопротивления, разошлась под сапогом, и грязь под ним стала бурой.

На берегу сделалось тихо — так тихо, что стало слышно, как догорают крыши.

Камни он вырезал быстро: работа привычная, нож знает, где у огров прячется камень. Мутные, тяжёлые, ещё тёплые, они падали в мешок один за другим, и мешок набирал вес, за который гильдия посчитает и заплатит.

Потом он собрал своих. Тех, кого нашёл целыми, и тех, кого нашёл не целыми: на накат, на плоты, на сухие доски с разбитых крыш — и поджёг, коснувшись ладонью, без огня. Огонь взялся сразу, пошёл высоко, и дым над рекой встал столбом, видный, поди, до самого тракта.

У этого огня Грид впервые за день позволил себе поду-

мать. Он не мешкал в дороге, никто не сказал бы ему слова упрёка, и всё равно где-то под рёбрами сидело одно, короткое: на день. Он опоздал на день, и день этот теперь никуда не денется.

А под обгоревшими стенами, в темноте, за тяжёлой крышкой, лежала живая — и он об этом пока не знал.

Он уже поправил мешок с камнями на плече и взялся за Черепок, когда краем глаза поймал движение: у третьего от берега двора, над обгоревшими стропилами, стояла дымка. Пожарный дым давно выдохся, а эта держалась на месте ровно, как стоит человек, который ждёт.

Грид поморщился: гость этот любит приходить туда, где кому-то уже поздно.

— Что задумал? — сказал он в пустоту.

Ответа не последовало. Дымка только посветлела с одного края — так кивают, не желая говорить вслух.

Грид поправил ремень, шагнул через пепел и пошёл к обгоревшему дому.

Двор был мёртвый: ни собаки, ни курицы, ни единого шороха, кроме того, как оседает и шелестит зола. Грид прошёл вдоль стены, взял обгоревшее бревно, вошедшее в землю, и, не упираясь, сдвинул его вбок; провисшие стропила пошли за ним с длинным скрипом.

Под ними, в золе, темнела толстая щелястая крышка подпола.

Он ухватил её за скобу и поднял.

Из темноты пахнуло землёй, репой и — совсем слабо — живым. На мешках, поджав ноги, лежала девушка из коша-чых: чёрная шерсть в грязи, лук рядом, пальцы стиснуты. Она дышала. Так дышат, когда уже всё решили и ждут только, чтобы перестало болеть.

Грид поставил Черепок к стене, сел на корточки и сказал вниз, тихо:

— Вот те раз, чуть не пропустил.

Костёр он развёл в сумерках, в сосняке у самого тракта, и девушку уложил на лапник, поближе к жару, закутав в походное одеяло.

Она не приходила в себя. Дышала мелко, и на вдохе под рёбрами посвистывало — такой свист Грид слышал у людей, которых уже один раз хоронили. Идти ночью он не решил: в темноте тракт раздваивается у каждого пня, и потерять можно не час, а полдня. Он подкладывал ветки и молча злился на собственную беспомощность.

У границы света, там, где огонь уже не достаёт, шевельнулось знакомое.

— Не расстраивайся сильно, — сказала дымка.

— Она дотянет? — спросил Грид, не оборачиваясь.

— Я вперёд не считаю, — вздохнула дымка. — Я стою у дороги и смотрю.

Дымка помолчала, потом поднялась над лапником — так поднимается над костром пар, если пару придать человеческие очертания.

— Хотя знаешь, — сказала она. — Ты один в этой округе, кто подсаживает меня к костру и не бежит за жрецом. За такое друзей в беде не бросают.

Он подошёл к девушке, наклонился и провёл над ней рукой — коротко, легко, как смахивают с лица паутину. Ничего не блеснуло, ничего не хрустнуло; только у самого её рта дрогнул воздух, втянулся и затих.

— Теперь дотянет, — сказала тень.

Грид глядел, как у неё под одеялом ровнее поднимается грудь, и думал, что с этой сущностью у него, кажется, завёлся долг — и отдавать его придётся не монетой.

Гильдия в конце дня гудела, как улей: чернила, духота, очередь у стойки. Кети подняла голову, и перо само выпало у неё из пальцев.

Грид шагнул к стойке, снял с плеча свою ношу — походное одеяло с девушкой внутри — и положил на скамью, бережно, как ставят ящик с хрупкой посудой.

— За Крисом. Срочно, — сказал он. — И носилки.

— Кто это? — только и спросила Кети.

— Из Крутобережья. Одна.

Мешок с камнями он вытряхнул на стойку, пусть считают, и пошёл к лестнице — наверх, к главе.

Грид рассказал коротко, как умел: вышел по сроку, лишних привалов не делал, к полудню был у реки — поздно. Огров тридцать, вожак выше всех ростом, деревня выжжена, своих схоронил в огне. Одна живая, из кошачьих, лежит

внизу, за Крисом послали.

— На день опоздал, — сказал он и посмотрел в стол.

Дирк откинулся в кресле, и дерево под ним застонало. Молчал он долго.

— Значит, не успел, — проговорил он наконец, без упрёка, как считают вслух. — А Хребет огра зашевелился. Огры ватагами просто так не ходят.

Грид кивнул: об этом он думал всю дорогу.

— Иди домой, — сказал Дирк. — Там тебя кот заждался. Бумаги утром.

Он уже взялся за дверь и остановился — перед самым выходом.

— Одну большую золотую из моего — ей, — сказал он.

— Кому? — Дирк поднял бровь.

— Девчонке из Крутобережья. — Грид помолчал, подбирая слова, которых у него всегда было мало. — Дома нет, родни нет, из вещей — лук. Пусть начнёт сначала.

Кресло под Стальным Быком скрипнуло.

— Оформим как помощь пострадавшим, — сказал он сухо. — Иди уже, благодетель.

Грид вышел и закрыл за собой дверь.

Дом стоял за стенами, на берегу, и уже от калитки было слышно, как внутри кто-то большой ходит из угла в угол.

Навстречу Гриду из темноты вышел Ёкс. Тигр тянул на доброго телёнка, а в плечах был пошире иного охотника; за двое суток одиночества он успел обидеться на весь белый

свет, и обида держалась у него в хвосте, в ушах, во всём.

Грид бросил мешок у крыльца, сел на ступеньку и запустил пальцы в густую шерсть за ухом. На кухне, в темноте, белела миска, вылизанная до блеска: Кети заходила, не за-
была.

— Ну хватит, — сказал он.

Ёкс уронил всю свою обиду разом, ткнулся лбом ему в колено и заурчал так, что отозвалось крыльцо. И до самой постели не отходил ни на шаг.

Он выложил в миску остаток вяленого мяса, и Ёкс съел его тут же, у стола, не сводя с хозяина глаз, будто того могли снова куда-то позвать.

Потом Грид подхватил его в охапку — добрых сто восемьдесят килограммов тёплого веса, которому очень не понравилось, что его оторвали от пола, — и понёс наверх, в спальню, оставив внизу и разбитые сапоги, и всю эту долгую дорогу.

Постель была холодная. Ёкс улёгся у него на руке, как укладываются котята, вздохнул и заработал мотором.

Грид лежал, слушал это гудение и смотрел в тёмный потолок, где всё ещё стояла выжженная деревня. Потом потолок пропал. Спал он в ту ночь крепко и без снов.

Глава 2. Пробуждение и реальность

Гвен проснулась от звука воды: где-то капало, ровно и терпеливо, как не умеет человек. Звук стоял над ней прежде всего остального — прежде боли, прежде памяти.

Она лежала на узкой койке, под одеялом, которое пахло чужим. Низкий потолок, побеленные стены, окно в рост человека, и в утреннем свете плавали пылинки, будто кто-то просеивал муку. На табурете у изголовья пузатый флакон, от него тянуло мятой и спиртом до слёз.

Гвен вдохнула глубже, и под правыми рёбрами отозвалось: там стянули узел, который только что развязали. Она переждала, посчитала до пяти, вдохнула снова — тише, ровнее.

Ладонь сама пошла по койке: справа, слева, до самого края. Лука не было. Не было и колчана, ни ножа, ни ремня с туеском, ни вещей, которыми она пять лет ходила в лес.

Тогда вернулось всё разом: берег, рог над пристанью, тяжёлая крышка подпола над головой, земля и прошлогодняя репа. Она лежала там. И кто-то её оттуда достал.

За стеной, в коридоре, шаги — неспешные, лёгкие, будто идут, зная, что успеют.

Дверь отворилась без стука. Вошёл эльф — высокий, пря-

мой, в белом, с длинными ушами и волосами цвета старой кости; на рукавах у него темнели бурые пятна от настоев, а от самой одежды пахло сухо и горько, аптекой.

— Очнулась, — сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая. — Хорошо. Как дышится?

Гвен хотела ответить и не нашла голоса: горло было чужое, сухое, будто в нём намело песку. Эльф подождал, взял её за запястье двумя пальцами, заглянул под веко и отпустил руку — быстро, привычно, как проверяют монету на зуб.

— Дыши глубже, не бойся. Рёбра целы. Внутри у тебя было месиво, но это уже моя забота.

— Где я? — выговорила она наконец.

— В Ревгаре, — он поправил край одеяла у неё на груди. — В моей больнице, за рекой от гильдии, второй дом от моста. Крис меня зовут, и ты, пока я не скажу, никуда отсюда не пойдёшь.

Он уже повернулся к табурету, к флакону, но помедлил и добавил, не оборачиваясь:

— А принесли тебя ночью. На руках.

— Что с деревней? — спросила она. — Кто там ещё?

Крис не стал делать вид, что не понял. Он поставил флакон, присел на край табурета и заговорил ровно, как читают перечень, в котором менять уже нечего.

— Никого. Огров было около тридцати, с вожакom выше остальных, и шли они от Хребта ватагами. Плоты, сети, пристань, дома — всё в сгорело.

Гвен смотрела в потолок и слушала, как где-то капает вода.

— Хоронили, как вышло, — продолжал Крис. — Охотник из гильдии сложил кого нашёл на доски и сжёг, чтобы не досталось зверью. Тебя он нашёл в подполе, живую, и ночью принёс сюда на руках, от самого берега. Грид его имя. В городе его зовут Троллей Чумой.

Он поднялся и взял флакон.

— Лук твой цел, лежит в гильдии.

Гвен долго молчала. Она и сама успела посчитать, пока капала вода: если огры прошли берегом валом, выживших нет. Она недавно поселилась в этой деревне поэтому, не испытывала горечи утраты но все же ей было очень жаль деревенских. Все к ней хорошо относились...

— Расскажи мне о нём, — попросила она. — И о том, кто был с ним.

Крис вздохнул, как вздыхают люди, у которых таких историй на век вперёд.

— Никого с ним не было. Отряды в городе наперечёт: одни в Низинах, «Буря» ушла на север, — и послали одного. Этого хватило. Грид — искатель адамантитового ранга, единственный на весь Ревгар. Получеловек и полуисполин: адамантий мнёт, как тесто, а раны у него затягиваются на глазах, его пробовали резать не раз. Троллей Чумой зовут за троллей: он выжег их на всех трактах вокруг города после того, как они разорвали его родителей. Остальное о нём врут

в трактирах, хотя добрая половина этого — правда.

Гвен попробовала приподняться на локтях и легла обратно, под рёбра.

Долг жизни. Она уже знала, что скажет ему, когда встанет.

Крис выпустил её на четырнадцатый день, утром, при свете: дорогу до сений она прошла сама, за стену не держалась, и тянуло под рёбрами только на поворотах.

— Ходи, но не бегай, — сказал он ей на пороге. — И за тетиву пока не хватайся.

Платить было нечем. Крис отмахнулся: уже получил оплату.

Гвен спустилась по ступеням, вдохнула утренний воздух — дым, смолу, воду — и пошла к мосту. Река несла какую-то щепу, чайки дрались над мелководьем, а дальше начинался Ревгар: три миллиона душ, возчики, торговки, ребятня, чей-то смех из раскрытого окна. Никто её не окликнул и никто не спросил, кто она и откуда.

Гильдия стояла за площадью, тяжёлая, с доской заказов у входа и с гудением за дверью, будто внутри держали улей.

Сперва лук. Потом долг.

Гвен поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

Внутри было так людно, что она потерялась сразу: топот, чернила, духота, очередь у стойки, спор у доски заказов. Гвен шла вперёд по чужим спинам и остановилась лишь там, где дорогу заступила широченная полосатая спина.

Тигролюд обернулся. Клыки, жёлтые глаза, кружка в лапе,

два коротких меча на боку и лук за плечом — охотник, как и она.

— Хвост береги, — сказал он весело и глянул на её пустые руки. — И лук, вижу, потеряла. Охотница без лука — как я без клыка.

— Где мне найти Грида? — спросила Гвен.

Улыбка у него осталась, а кружка пошла вниз.

— А тебе зачем?

— Гвен. Из Крутобережья, — сказала она.

Тигролюд хлопнул себя лапой по груди.

— Лаки. Кто поумнее — зовёт Шутником, и я не обижаюсь.

Он подождал, и она добавила, потому что иначе стояла бы здесь до вечера:

— Он меня спас. Я у Криса четырнадцать дней пролежала.

— Крутобережье... — Лаки поскрёб подбородок и посмотрел на неё иначе, без шутки. — Наслышаны, сочувствую.

Он махнул кружкой в сторону стойки.

— Тролью Чуму раньше полудня не жди, он в это время на озере с удочкой. Ступай к стойке, к Кети. Она у нас за всё отвечает: и бумаги оформит. Скажи, что от меня.

— Удаchi, кошечка, — сказал он вслед и поднял кружку.

— С ним тяжело говорить, но он хороший, просто не все это понимают.

За стойкой стояла девушка в гильдейском жилете — пря-

мая, с пером в руке и той деловитой строгостью, которой впору командовать караулом.

— Чем помочь? — спросила она, не поднимая глаз от листа.

— Гвен. Из Крутобережья. Где мне найти Грида?

Перо остановилось. Кети подняла голову и смотрела долго, будто сверяла её лицо с тем, что запомнила на скамье.

— Так это тебя он принёс, — сказала она тише. — В одежде, ночью.

Она отодвинула лист, нагнулась под стойку и выпрямилась: сперва в руках её был лук — знакомый, с обмоткой на рукояти, — а потом небольшой кошель, который она положила рядом и подтолкнула через стойку к Гвен.

— Лук твой, лежал у меня. И это тоже твоё: большая золотая, от него. В бумагах записано как помощь пострадавшим.

Гвен уставилась на кошель.

Большие золотые она видела дважды в жизни: оба раза на ярмарке, в чужом кошелье и издали. Комната в гостинице с едой стоила полторы сотни медных — эту монету можно было разменивать на ночлеги до глубокой старости.

В груди стало тесно, будто снова под рёбрами, и на один короткий миг захотелось отказаться. Гвен положила ладонь на лук, нащарила пальцем свою обмотку, потёртую на краях, и от этого стало легче.

Кети ждала, не двигая кошель ни к ней, ни обратно.

— Спасибо, — сказала Гвен ровным голосом. — Где мне

его найти?

Гвен взяла кошель осторожно, двумя пальцами, как берут чужое, которое вот-вот отберут. Тяжесть легла в ладонь плотно, будто камень.

— Я хочу встретиться с господином Гридом.

У Кети вырвался короткий смешок, и она тут же вернула лицу служебную строгость; даже перо в её руке легло ровнее.

— За стенами он живёт, на озере. Идёшь береговой дорожкой, никуда не сворачиваешь. Дом не пропустишь: причал, лодка, забор.

Она помолчала и добавила уже мягче, будто предупреждала о собаке:

— Только я бы на твоём месте к нему домой не ходила. Разговаривать он не любит: спросит одно, ответит вполслова и уйдёт к своим снастям. Раньше полудня его и вовсе нет — сидит с удочкой. Вот на озере и подойди. И говори по делу, без славословий: господин — это ему не понравится.

Дом стоял там, где обещала Кети: за стеной, на берегу, за низким забором — двор, сарай, причал, лодка, и над всем этим тишина, какая бывает у жилья, где хозяин один.

Калитка была прикрыта. Гвен толкнула её и вошла.

— Грид? — позвала она негромко. — Хозяин?

Голос ушёл в пустой двор, как в колодец. Ответила вода: щёлкнула под настилом, плеснула у причала.

А потом за спиной, шагах в десяти, из-под навеса поднялось рычание — низкое, глубокое, из самой утробы. Стало

ясно, что она здесь не одна.

Шерсть у Гвен встала дыбом раньше, чем она успела подумать, и ладонь сама потянулась к тетиве. Обернулась она медленно: сперва плечом, потом головой.

Тигр стоял у навеса, ростом ей по грудь, а в плечах шире любого охотника. Жёлтые глаза смотрели не мигая, хвост ходил из стороны в сторону, неспешно, как метла по полу.

Он присел и прыгнул — коротко, без замаха, как прыгают на добычу.

Гвен не успела отшатнуться: тяжёлое, тёплое, живое накрыло её и придавило к земле. Лапы встали по обе стороны от неё — одна у плеча, другая у бедра, — и под рёбрами снова стянуло узел, так, что в глазах пошло светом.

Тигр не рычал и не рвал. Он тянул воздух — у её горла, у виска, в самой шерсти за ухом, — и в мокром его дыхании были дым, речная вода и рыба. Потом он обнюхал её ладони, лук, плечо, снова вернулся к голове, шумно, обстоятельно, будто читал книгу, в которой сразу всё про неё написано.

Гвен лежала на спине, в своей выгоревшей рубашке, и не шевелилась.

Утробное ворчание где-то над ней осело, стало ровным и покатилось, как мельница. Тигр поднял голову и смотрел сверху, будто ждал, что она скажет что-нибудь умное.

Тигр зевнул — широко, неторопливо, разинув пасть так, что Гвен снизу увидела все его зубы, розовое нёбо и шершавый язык. Из пасти потянуло рыбой.

Зевок вышел ответом понятнее всякого рыка.

Потом он тяжело переступил лапами, улёгся ей на грудь и на живот и прикрыл глаза.

Стало тяжело и тепло, будто на неё положили одеяло, которое решило жить своей жизнью. Дыхание зверя сделалось долгим, сонным; тепло шло сквозь рубаху, как от печи, а полосатая голова лежала в ладони от её лица — полосы на лбу, усы, закрытые глаза. С каждым его вдохом Гвен приподнимало и опускало.

Под рёбрами тянуло, и она нашла одно положение, в котором можно было дышать.

Она попробовала пошевелить ногой. Нога не пошла.

— Ладно, — сказала Гвен вслух. — Подожду.

Тигр шевельнул хвостом — один раз — и засопел глубже.

Далеко от дома, там, где берег заворачивает и камыш встает стеной, на воде качалась лодка, а в ней сидел человек, который за эти два часа успел забыть и гильдию, и огров, и весь остальной мир.

Поплавок дрогнул, повёл в сторону — и ушёл под воду. Грид потянул мягко, не в лоб, давая рыбе погулять на леске; удилище гнулось, как молодой орешник, и наконец из воды вышел он — широкий, бронзовый, тупорылый, добрых пять килограммов.

Грид подцепил леща под жабры и вытянул над бортом. Рыбина была такая, что ладоней под неё не хватало; капли сыпались в воду, а он всё держал и смотрел.

И улыбался. Глупо, широко, во все свои шрамы — так, как не позволял себе ни в гильдии, ни на людях, ни вообще нигде, где есть свидетели.

— Ай да лещ, — сказал он вслух, потому что говорить было больше не с кем. — Ну, брат, сегодня у нас уха.

Он положил рыбу на дно, присыпал морозцем из воздуха и снова забросил.

Через пару часов лодка ткнулась носом в настил. Грид вылез на причал и вывалил улов на доски: два леща, щука, полосатый окунь, — и вся эта рыбина ещё шевелилась на солнце. Он свалил её в мешок, закинул на плечо и пошёл к дому, размышляя про уху, соль, коптильню и то, что дров в сарае осталось как раз на один вечер.

У калитки он встал.

Ёкс лежал посреди двора, вытянувшись поперёк дорожки, как любил ложиться, чтобы об него спотыкались. Из-под его бока виднелась рука, из-под головы — чёрная шерсть у виска и лук с обмоткой на рукояти.

Грид поставил мешок на землю.

Ёкс услышал шаги, повёл ухом — и глаз не открыл.

— Ёкс, — сказал Грид без удивления в голосе. — Опять вора поймал?

Тигр не пошевелился. Он лежал так, как лежат сытые и довольные: то ли добыча попалась, то ли просто место нашлось тёплое.

Грид шагнул ближе, снял с плеча мешок и опустил его у

стены, потом присел на корточки, локти на колени, и уставился на бугор из полосатой шерсти.

Из-под Ёкса раздался невнятный писк — короткий, придушенный, будто у кого-то в груди осталось воздуха ровно на один слог.

Ёкс на это повёл ухом, но голову поднимать не стал. Грид тоже не торопился: сидел, смотрел на лук с обмоткой у неё под рукой и ждал, что скажут дальше.

— Ладно, Малыш, — сказал Грид и положил ладонь тигру на загривок. — Слезай. Ты её не съел, и на том спасибо.

Ёкс поднялся не сразу и неохотно: сперва перед, потом зад, всем своим весом переваливаясь с девушки на землю. Грид запустил руку в мешок, нашарил там самого крупного леща и протянул ему. Тигр взял рыбу в пасть бережно, будто курицу из чужого двора, повернулся и неспешно пошёл через двор в сад, к тени под старым деревом, где и улёгся, поджав лапы.

Грид выпрямился.

На земле, там, где только что лежал тигр, осталась девушка: на спине, руки врозь, в волосах и в шерсти серая пыль, у бедра — лук с потёртой обмоткой. Она смотрела на него снизу и дышала.

Он стоял над ней и молчал.

Грид вздохнул — тяжело, всей грудью, как вздыхают над дурной работой, — поднял мешок и перекинул его на плечо, а дверь за собой притворил ногой.

Гвен приподнялась на локте, села, встала. Похлопала себя по бокам и по спине: пыль, шерсть, и всё это пахло тигром. Под рёбрами тянуло, но не сильнее обычного.

Она стояла посреди двора с луком в руке и не знала, что делать дальше. Кети предупреждала: разговаривать он не любит. Стучаться? Идти за ним? Или выйти за калитку и вернуться завтра, будто сегодня ничего и не было?

Под старым деревом в саду хрустело. Ёкс делал с лещом то, что делают с хорошим лещом: придерживал лапой и разбирался с ним неторопливо, по-хозяйски, урча от самого хвоста.

Гвен постояла, посмотрела на дверь, на причал, на свои ладони — и шагнула к крыльцу.

Гвен поднялась на крыльцо и постучала — коротко, ко-
стяшками, как стучат в чужой дом.

За дверью было тихо. Потом что-то звякнуло, и голос ска-
зал ровно, без интереса:

— Заходи.

Она толкнула дверь.

Внутри стоял полумрак и тот беспорядок, который заво-
дится в доме, где хозяин живёт один: у порога — сапоги, на
скамье — мотки лески, крючки и горсть медных монет, на
стене — топор такой длины, что ему было тесно под потол-
ком. Пахло дымом, пылью и рыбой.

Голос и стук шли из глубины дома. Гвен закрыла за собой
дверь и пошла туда.

Кухня оказалась низкая, с очагом и полками по стенам. Грид стоял к ней спиной — плечами почти в дверной проём, — и возился с рыбой: нож шёл вдоль щучьего бока, чешуя падала в лохань, а на очаге уже висел чайник, и над ним поднимался пар.

Он оглянулся через плечо. Посмотрел на неё — пару секунд, не больше: с ног до головы, на лук в её руке, на пыль и тигровую шерсть на рубахе.

Голос у него был хриплый, как у человека, который за весь день ещё ничего не сказал.

— Как ты? — спросил он. — Рёбра, голова?

Помолчал и добавил ровно:

— И деньги тебе отдали? Кети не забыла?

Гвен выпрямилась, и растерянность с неё сошла разом: она стояла в чужой кухне, живая, и то, что повторяла про себя четырнадцать дней, наконец сказалось само.

— Через пару недель я встану совсем, — сказала она. — Крис говорит, рёбра срастутся. Я буду ходить, охотиться, стрелять. Я всё умею.

Она поклонилась — низко, как кланялись в деревне старшим: спину вниз, голову, глаза в пол.

— Спасибо тебе за жизнь. И за деньги. Долг я отдам.

Грид хмыкнул коротко, в нос, будто прогнал муху.

— Без «тебе за жизнь», — сказал он. — Крис её и вытащил.

Он снял с очага чайник, налил из него тёмный травяной

взвар, поставил кружку на стол и пододвинул к ней. От кружки пахло мятой и сушёной малиной.

Грид помолчал, глядя в лохань, будто там, между чешуёй и щучьими костями, лежало то, что он собирался сказать.

— Ты прости, — сказал он наконец. — Что не успел. Мог выйти раньше, шёл без привалов, а всё равно опоздал на день.

Гвен опешила. Она даже кружку отставила.

— Ты? Прощения?

Она смотрела на его широкую спину, на руки в чешуе, и не знала, куда девать собственные слова.

— Ты один пришёл, — сказала она. — Пока остальные и не собирались. Огры не спрашивали, когда тебе выходить из города. Тебе не за что себя винить.

Грид ничего не ответил. Нож снова пошёл по щуке, ровно и неспешно.

— Пей, — сказал он. — Остынет.

Щука пошла в котёл. Грид помешал варево, зачерпнул ложкой, подул и попробовал, потом взял с полки соль и бросил щепоть. В кухне запахло рыбой и дымком так, что у Гвен зашумело в голове: четырнадцать дней она ела больничную кашу.

За окном, в саду, хрустело — это Ёкс доживал леща.

Гвен обхватила кружку двумя руками и отпила. Взвар был горячий, с мятой и сушёной малиной; язык она всё-таки обожгла.

— Говори, зачем пришла, — сказал Грид, не оборачиваясь. — Просто так здесь не ходят.

Гвен поставила кружку на стол — тихо, чтобы не стукнула.

— Я не просто так пришла, — сказала она. — У нас в деревне так: кого вытащили из смерти, тот жизнью своей принадлежит тому, кто вытащил. Я тебе её принесла. Всю.

Она стояла прямо, руки по швам, и смотрела ему в спину.

— И печать можно поставить, — добавила она. — Рабскую, как положено: тебе и мне. Тогда никто не скажет, что это одни слова. Бумаги оплачу из тех денег, что Кети отдала.

Грид перестал мешать котёл. Ложка в его руке замерла.

Грид поставил ложку на край котла и наконец обернулся.

— Значит, всё сделаешь, что скажу? — спросил он. — Всё-всё?

Гвен ответила сразу, и голос споткнулся на середине:

— Да. Всё. Что скажешь, то и сделаю. Всё-всё.

Уши у неё прижались сами собой, будто на неё прикрикнули. Под чёрной шерстью на щеках стало жарко, Гвен поняла, что краснеет, и от этого покраснела сильнее. Хвост замер и висел, как верёвка.

Грид снял котёл с огня и поставил его на стол так, что столешница отозвалась.

— Вот и чудненько, — сказал он. — Тогда сейчас поедим ухи, а потом пойдёшь своей дорогой. Будешь жить долго и счастливо. И без печатей.

Он взял с полки две глиняные миски, поставил их рядом и стал разливать: черпак зачерпывал густо, с рыбой, с луковичной шелухой и лавровым листом, и пар над мисками встал до самого потолка.

Гвен ждала чего угодно. Приказа, торга, насмешки, даже цепей — к этому она успела подготовиться ещё в больнице, когда Крис рассказывал про алмазтитовый ранг и выжженные тракты.

Ухи она не предусмотрела.

— Как это — своей? — сказала она.

Грид подвинул ей миску и сел напротив, не поднимая глаз.

— Чужих жизней мне не надо, — сказал Грид. Он зачерпнул из миски, подул на ложку и съел не торопясь, как человек, у которого после обеда никаких дел нет. — Я их и без того довольно отнял. И ещё отниму, не сомневайся.

Ложка стукнула о край.

— Так что начинай всё сначала. И забудь то, что было. — Голос у него был ровный, будто он уговаривал сам себя.

За окном трава шумела — Ёкс устраивался в тени поудобнее.

Гвен смотрела в миску. Уха пахла так, что кружилась голова, рыба разварилась и сама шла с кости. Она взяла ложку.

Гвен зачерпнула ухи; та была такая, что глаза сами хотели закрыться, но она их не закрыла.

— Мне некуда идти, — сказала она наконец, опустив голову. — И цели у меня особой нет.

Она подержала ложку над миской и положила её на стол.

— Деревни нет. Родни нет. Из вещей — лук, туесок да рубаха, которая на мне. Монеты, что ты оставил, хватит, чтобы снять комнату до старости, — только что мне делать в той комнате?

Она смотрела в столешницу.

— Ты говоришь: начинай сначала. А с чего?

Грид жевал. За окном Ёкс зевнул так, что дрогнуло стекло.

— Да с чего угодно, — сказал Грид. — Чего душе угодно.

Гвен вскинула голову и сказала — резче, чем собиралась:

— Я хочу остаться с тобой.

Слова вышли сами и повисли над миской. Она услышала их со стороны и похолодела; уши прижались к голове, хвост ушёл под лавку.

— В смысле... — Она запнулась. — Не в том смысле. С тобой — в отряд. В походы ходить, охотиться, на привале сторожить. Я лук... Стреляю хорошо. С сорока шагов белку в глаз кладу. — Голос её пошёл вниз и кончился совсем.

Под чёрной шерстью на щеках стало жарко, как у очага, и жар этот добрался до самых ушей — а уши у неё были тонкие и стояли торчком, как назло.

Она вцепилась в ложку и стала смотреть в уху.

— Ты знаешь, кто я и с чем имею дело? — сказал он.

Посмотрел строго, без злобы — так смотрят на охотника, который хвастается до первого кабана. И отставил ложку.

— Я хожу туда, куда отряды не ходят. Под землю, к трол-

лям, к ограм, к тому, что живёт в лаве. Один: спутники за мной не держатся, а чужие кости в подземельях я оставлять не привык. Гильдия меня не посылает в паре, потому что пару потом не находят.

Он снова взял ложку и стал есть — ровно, неторопливо, будто всё уже было сказано и добавить тут нечего.

Гвен сидела напротив и слушала, как ложка стучит о край его миски.

Гвен сжала ложку и сказала твёрдо, чтобы на этот раз вышло как надо:

— Значит, я стану достойной тебя.

И сразу поняла, как это прозвучало. Опять.

Тепло поднялось от шеи к щекам, уши прижались сами собой, хвост крунулся под лавкой. Она поспешила добавить:

— Как охотник. Стану хорошим охотником — таким, кого в отряд берут. И тогда... тогда, может...

Она махнула рукой и уставилась в миску.

— Ешь. Это я так.

Грид не ответил сразу. Он доел уху, отставил миску, вытер рот ладонью и сказал:

— Угу.

— Ладно, — сказал Грид и откинулся на лавке. — Затворником я себя не считаю. Но раз ты собираешься жить под этой крышей — будут правила. И условия.

Гвен выпрямилась так, что лавка под ней скрипнула. Голо-

ву она вскинула, уши встали торчком, как две стрелы, хвост пошёл по лавке сам собой.

— Слушаю, — сказала она. Голос сразу стал другой: не жалобный, а деловой, каким, видно, говорила с охотниками у склада. — Говори.

Грид глянул на неё и хмыкнул. Перед ним сидела уже не девка из подпола, а охотник, с которым можно условиться.

— Слушаешь, — проговорил он. — Вот и хорошо.

— Первое, — сказал Грид и загнул палец. — Комнат десять, выбирай любую: наверху, внизу, хоть рядом с кухней. Дом огромный, мне одному он велик. Будешь наводить порядок — это твоя плата за еду и кров.

Он загнул второй.

— Второе: сперва поправишься до конца. До того — никаких тренировок. Ни бегать, ни стрелять, ни мешки ворочать.

Третий.

— Запишешься в гильдию. Бумаги, карточка, ранг. С этого все начинают.

Он опустил руку.

— Дальше поглядим, что из тебя выйдет. — Помолчал и добавил, глядя в столешницу: — И помни: уйти можешь в любой момент. Держать не буду.

Гвен кивнула. Про третье — про уйти — она решила подумать как-нибудь потом.

— И да, — сказал Грид, поднимаясь и собирая миски. —

Тебе придётся подружиться с моим котом.

— Котом? — Гвен заморгала. — Ты про того тигра? Который во дворе? Который... — она прикинула его на глаз, — ...с телёнка?

— Ёкс, — сказал Грид. — Лесной тигр. Кот.

Он снес миски в лохань, плеснул в них воды из ведра и стал вытирать руки о полотенце.

— Он тебя обнюхал и жрать не стал. Значит, принял. Постарайся не испортить с ним отношения.

Гвен посмотрела в окно. Под старым деревом, во всей своей полосатой славе, спал тот, кого в её мире называли бы бедой...

Глава 3. Зелёная угроза

Грид проснулся до света, сам, никем не разбуженный, — и сразу понял: тишина в доме чужая. Ёкс спал у него на руке, сто восемьдесят килограммов тёплого веса, и во сне шевелил лапами — то ли за кем-то гнался, то ли видел леща. На душе лежало грузно и без имени, как ночная вода на дне лодки.

В темноте под потолком Грид пересчитал вчерашний день, как считают улов. Сказал больше, чем за месяц. Пустил под крышу чужого человека и сам же разложил ему правила, будто писарю в гильдии. Решение вышло неожиданным даже для него — из тех, что принимаешь прежде, чем успеваешь подумать.

Зато Дирк отстанет. Который год одно и то же: живёшь бирюком, дом в две лестницы под одного, завёл бы хоть кошку, — и Лиа туда же, со вздохами и пирогами.

Ладно. Будь что будет: с него не убудет. Двор не обеднеет от лишнего рта, лещей в озере хватает. А задумала бы девка недоброе — Ёкс бы её прогнал или сожрал; на такие дела у него чутьё почище, чем у иного дознавателя.

Внизу скрипнула половица, потом шаркнуло — метлой. Новый жилец поднялся раньше хозяина и взялся за работу. Грид слушал это, не открывая глаз.

Грид приподнял голову.

Карточка лежала на подоконнике, где он бросил её вчера,

между мотком лески и горстью медяков, и светилась — ровно, без мерцания, тем зелёным, каким зовут, когда ждать не станут. Отблеск лёг на стену, на накладки у двери, на топор, которому было тесно под потолком, и спальня стала похожа на больничную палату: опрятно, деловито, и встать от этого не хочется ни капли.

Ёкс на его руке повёл ухом, открыл один глаз, убедился, что никого не режут, и закрыл обратно.

— Ну вот, — сказал Грид в потолок. — Значит, не зря.

Он высвободил руку из-под тигра, сел, свесив ноги, и взял карточку: та была тёплая, как живая, и зелёный свет её упирался в ладонь. Прошлой зимой она подняла его затемно перед троллями, и тролли об этом пожалели.

Внизу снова шаркнуло метлой — новый жилец старался вовсю. Грид вздохнул и потянулся за рубахой.

Одевался он неспешно, в четыре приёма, как одевался всю жизнь: штаны с накладками на бёдрах, высокие сапоги, кольчуга — адамантиевая, что сама садится по плечам, — поверх неё кожа наплечников и нагрудника, на предплечья накладки, на голову глухой шлем. Черепокол лёг за спину, мифриловой рукоятью поперёк лопаток. Стало тяжело и привычно, как перед дорогой.

На кухне Гвен как раз поднимала метлу. Метла замерла в воздухе, уши встали торчком, хвост сам собой пошёл вбок: в дверях стоял человек, который и без железа занимал почти весь проём, а уж в железе — и того больше.

— Гильдия зовёт, — сказал Грид. — Может, к вечеру вернусь, может, к ночи. Ты ешь. В погребе на месяц хватит: крупа, соленья, вяленое мясо, рыба. Ешь много — рёбра срастаются, не молитвой. И отдыхай. Метлу можешь отложить, не убежит.

Он помолчал и добавил:

— И Ёкса корми. Это в твоих же интересах.

— Он же меня...

— Не съест. — Грид хмыкнул. — Своих он не трогает, хоть с голоду пухни. Но вздыхать будет с утра до ночи, а это похуже зубов. И на грудь сядет — уже сиделся.

— Меня может не быть долго, — сказал он и шагнул к очагу, отодвинул лохань, носком сапога приподнял половицу — ту самую, у которой в прошлом году подтёсал край. Под ней, в золе и паутине, лежал холщовый мешок. — Иной раз неделя, иной раз две. Бери, сколько понадобится: дрова, соль, гвозди, второй ушат — чего дом попросит. И себе возьми: сапоги крепкие, рубаху, тетиву в запас. И еды, какой захочется, а не какой дешевле.

Гвен глянула в мешок и открыла рот, чтобы сказать про долг, но закрыла: спорить с ним было всё равно что спорить с погодой.

Грид вышел во двор, и Ёкс поднялся ему навстречу от крыльца, потягиваясь, как потягивается кошка размером с телёнка. Грид взял полосатую голову в обе ладони, потёр за ушами, уткнулся лбом в лоб и подержал так, молча. Тигр за-

зжмурился и заурчал на весь двор.

— Ты тут за старшего, — сказал ему Грид в усы. — И девку не пужай.

Калитка стукнула.

Гильдия гудела с самого утра: чернила, духота, топот на лестнице, очередь у стойки и гвалт у доски заказов. Грид вошёл, и гул на пару шагов вокруг него просел — как проседает под ногой половица.

— О, — сказал Лаки с ближней скамьи, поднимая кружку. — Тролля Чума, живой и в железе. А я уж думал, тебя щука съела.

— Рано.

— Все так говорят. — Тигролюд хлопнул лапой по скамье, освобождая место, но гость не сел. — Видал я твою кошечку. Хороша, злая. Кети аж перо сломала: девке бумаги, карточка, ранг — она такого не прощает.

— Угу.

— Слушай, правду говорят, что она у тебя живёт? — Лаки подался вперёд, жёлтые глаза смеялись. — Дом у тебя, помню, большой, а замков в нём — одни рыболовные.

— К стойке пусти.

— Иди, иди. — Лаки отвалился на спинку. — Захаживай, если что. Я тут до вечера, всё равно скучаю.

Грид обошёл его и пошёл к стойке, где Кети, не поднимая головы, что-то считала.

Кети подняла голову не сразу, а когда подняла — щёки у

неё стали розовой чернил, и она зачем-то поправила жилет, будто её поймали на месте преступления.

— Грид. — Голос вышел ровный, служебный. — Глава у себя. Ждёт с самого рассвета, велел, как придёшь, — сразу наверх, не задерживаясь.

На стойке перед ней лежало перо с обломанным кончиком: сегодня она уже на чём-то сорвалась.

— И это... — Кети помедлила и добавила уже тише: — Бумаги по девушке из Крутобережья готовы. Карточку выдам, когда придёт. Скажи ей, пусть не боится, ранг ей поставят нормальный, угольный.

— Угу.

Она отступила, освобождая проход к лестнице, и Грид пошёл. Вслед ему она смотрела ровно столько, сколько требовала служба, и ещё немного сверх того.

Дверь кабинета была приоткрыта, и из щели тянуло табаком и старым деревом. Грид постучал костяшками — коротко, как стучал с детства, — и вошёл, не дождавшись ответа.

Дирк стоял у окна, спиной к двери, с бумагой в руках. Невысокий, седой, в плечах куда уже приёмного сына — а в комнате от него всё равно делалось тесно.

— Здорово, — сказал Грид.

— Здорово. — Дирк обернулся. Улыбаться он не умел, но морщины у глаз собрались как надо, и этого было довольно. Он шагнул навстречу, взял Грида за предплечье, подержал, отпустил — крепко и коротко, как жмут руку перед долгой

дорогой.

— Как Лиа? — спросил Грид.

— Ворчит. Значит, здорова.

Дирк подтолкнул ему кресло носком сапога.

— Садись.

Дирк опустился в кресло напротив, достал из ящика лист и разгладил его ладонью.

— Из Низин лезут, — сказал он. — Не те гоблины, каких мальчишки гоняют на первом ярусе. Лезет высокое: хобгоблины, маги, рыцари в железе. За две недели — четыре очищенных каравана, две ватаги и один охотник, который уже ничего не расскажет.

Он развернул лист к Гриду: столбики дат, имён и чисел, выведенные мелко и без помарок.

— А третьего дня пришли возчики с юга. Видели его на земле. Не в темноте, не на пятом ярусе — снаружи, в полутора верстах от лаза, при солнце.

— Короля, — сказал Грид.

— Короля, — кивнул Дирк. — Из-под земли такая тварь просто так не выходит.

— Броудерз? — спросил Грид. — Зеленокожие — его стихия. Он за них и денег не возьмёт.

— Пошёл. Вчера утром вышел: сам, Лая, пёс. Стоят лагерь у лаза, считают, сколько их оттуда лезет за ночь.

Дирк помолчал.

— Послал его вчера. И всё равно послал за тобой. Вот это

и прими в расчёт.

Грид не ответил.

— Перестраховаться хочу, — сказал Дирк, и по тому, как он это выговорил, слышно было, что слово ему самому не нравится. — Тридцать лет сижу над этими бумагами. Когда всё сходится слишком ладно, у меня начинает тянуть под ложечкой. Предчувствие, Грид. Нехорошее. И в бумаги оно не вписывается.

— Добро, — сказал Грид. — Что по награде? И что от меня требуется?

Дирк усмехнулся — коротко, одним углом рта, как усмехался редко и не на людях.

— За разведку — золотая. За короля — большая золотая. За истребление угрозы — десять больших, пополам с Бродерзом. Если король окажется не один, гильдия доплатит: статья на такой случай есть, и статья не бедная.

— А от меня?

— Как всегда, — сказал Дирк и откинулся в кресле, и дерево под ним застонало. — Уничтожить. Обрато в Низины загонять не надо, выяснять, кто там у них за старшего, тоже не надо. Тебе платят не за разговоры.

Грид кивнул. Работа была понятная — из тех, какие он делал всю жизнь.

Лагерь «Зелёной Саги» стоял в сосняке, в полуверсте от лаза: костёр, выючные мешки, шалаши из лапника и жердь с нанизанными гоблинскими ушами — счёт, который Бро-

удерз вёл не для гильдии.

Первой его увидела Лая. Девушка как раз несла воду от ручья, оглянулась на хруст и выпустила ведро: из-за сосен выходил кто-то шириной в дверной проём, и земля под ним отзывалась глухо, как пустая бочка.

— Спокойно, — сказал Грид.

Броудерз поднялся от костра, и улыбка у него росла сама, без разрешения.

— Тролля Чума. Вот кого не ждал. — Он шагнул навстречу и хлопнул его по предплечью, как по стене. — Я уж прикидывал, кого из гильдии звать.

— Дирк перестраховался, — сказал Грид.

Пёс Рой поднял морду от костра, потянул воздухом и снова улёгся: своих он чуял раньше хозяина.

— Как обстановка? — спросил Грид и сел у костра, локти на колени. — И что по разведке?

— Лая, — бросил Броудерз. — Неси тетрадь.

Девушка принесла тетрадь, открыла, но читать не стала: числа она знала наизусть.

— Первую ночь вышло восемьдесят два, — сказала она. — Вторую — сто шесть. Третью — сто сорок один, и с ними два рыцаря. Вчера...

— Вчера триста с небольшим, — договорил Броудерз.

Грид молчал. Прут, которым он ворошил угли, замер у него в руке.

— Слабых нет, — продолжал Броудерз. — Ни кулачных,

ни лучников из молодняка. Десяток лордов, полсотни рыцарей, маги. Такую свору под землёй держат не уговорами. Король у них лютый, и гонит он их всех наверх.

Броудерз говорил ровно, как читают сводку, смотрел в костёр, а не на гостя, и Грид не перебивал.

У него уже было похожее — года три назад, только в малом. Тогда зелёное тоже полезло не ватагой, а разом: одна ночь, три деревни по реке, и деревня, где оставались его жена и дочь, легла к утру. Кто в ту ночь был во дворе, тот не вышел; кто вышел — до смерти ходит с этим, как Броудерз со своей жердью ушей на лагере.

В гильдии про то вспоминать не любили. Он и не просил. — Триста, — сказал он наконец и сплюнул в огонь. — Тогда их было едва за сотню. И хватило.

Грид поднялся и хлопнул его по плечу — вполсилы, а Броудерза всё равно повело вбок, и он коротко выругался, без всякой злобы.

— Тогда здесь не было ни Грозы гоблинов, ни Тролльей Чумы на подходе, — сказал Грид. — А эти три сотни нам на пол зуба.

Броудерз потёр плечо и поглядел на него снизу вверх, подбирая ответ. Отвечать было нечего: про свою деревню он знал одно, про Черепокол — другое, и вместе оно складывалось как надо.

— На пол зуба, — повторил он и хмыкнул. — Ладно. Тогда садись ближе, покажу, откуда они лезут.

Лая наконец вспомнила про ведро и поставила его у ко-
стра.

— План простой, как медный туве, — сказал Грид и пру-
том начертил на земле полукруг. — Ждём, пока они занесут
добычу в нору. Заносят её всегда в одну пору, к утру, все
разом. Тут и заходим. Я — внутрь, ты остаёшься на входе и
добываешь тех, кто полезет наружу.

Броудерз долго смотрел на черту в земле.

— Один. В нору. Где три сотни. — Он покачал головой.
— И ни одного за спиной.

— Ни одного, — согласился Грид. — У меня привычка
такая: за спиной никого не держать.

Он отбросил прут в костёр, и тот занялся сразу, без искры.

— А если они уйдут вглубь и запрутся? — спросила Лая.

— Ну и что, — сказал Грид. — Им есть куда тащить до-
бычу. А дверь меня все равно не остановит.

Ждали до предутренней серости. Костёр Броудерз залил
сам, без напоминаний, и лагерь пропах дымом и мокрой хво-
ей.

Пришли они к той поре, к какой ходят всегда. Сперва из
лесу потянуло кислым, потом на тропе показались первые —
десятка полтора, низкорослые, в чужом тряпье, — а за ними
волокалась волокуша: бочка, мешки, сундук, кузнечный горн,
перевязанный верёвками. Шли не таясь: под своей землёй
они привыкли, что мешать им тут некому.

Последний хобгоблин, кряхтя, втянул волокушу в лаз, и

стало тихо.

Грид поднялся, перехватил Черепокोल и пошёл вниз.

— Стой до полудня, — сказал он, не оборачиваясь. — Дальше сам решай.

Броудерз проводил его взглядом и пошёл устраиваться за камнем у входа. А Грид шагнул в темноту, и лаз оказался ему по плечо — свод над ним сразу пошёл трещинами.

Свод треснул и осыпал ему за шиворот труху. Грид прикинул на глаз, сколько в этих норах потолка, вернулся к свету и сунул Черепокोल Броудерзу.

— Держи.

Броудерз принял топор одной рукой, как принимают своё, уверенно, — и сразу понял, что держать надо было двумя. Пятьдесят килограммов перевесили разом и потянули вбок: он завалился на колено, в пояснице у него сухо щёлкнуло, а из лёгких вышел весь утренний воздух.

— Ты... — начал он и не договорил, а только махнул рукой.

Лая бросилась к нему, но он уже поднял топор и прислонил его к камню у входа, как прислоняют бревно.

— Тяжёлый, — выговорил он.

Грид кивнул и снова шагнул в темноту — налегке.

Коридор повёл вниз, тесно и криво, и с каждым шагом приходилось нагибать голову; темнота за спиной съела свет лаза целиком. Грид шёл на слух: где-то капало, где-то скребло, и по этим звукам было понятно, что нора живёт.

Потом коридор расширился, и впереди встала дверь. Высокая, не по гоблинскому росту, из тёсаного камня, окованная полосами железа, — и по обе стороны от неё, в свете чадающей площадки, стояли двое. Хобгоблины: ростом в добрых два метра, в железных кольцах поверх тряпья, с короткими мечами у пояса.

Грид ничего выдумывать не стал. Он присел, оттолкнулся и прошёл эти десять шагов быстрее, чем площадка успела мигнуть. Кулак в горло одному, кулак в висок другому — коротко и экономно, как ставят печать. Первый сполз по камню и остался сидеть. У второго голова сошла с плеч и стукнула о дверь.

Стало тихо: ни крика, ни звона.

Грид постоял, слушая, потом потянул створку на себя. Дверь пошла тяжело, но без скрипа: петли у них были смазаны.

Дверь открылась не в коридор, а в свет.

Пещера была залом: свод уходил вверх метров на шесть, по стенам чадили площадки, и дым под потолком стоял слоями, как вода в затоне. Внизу, насколько хватало света, копошилось зелёное. Грид считать не стал — и так выходило, что не соврали: сотни, и ни одного тощего.

В дальнем конце зала камень был обтёсан в подобие ступеней. На ступенях сидел он.

Король оказался высоким и худым, жилистым, как старый канат: длинные руки, длинная голова, пальцы в пол-ладони.

В руках он держал копьё — тонкое, будто выточенное из одного куска, с наконечником, который плоски не отражал, а словно вбирал в себя.

Справа от него, стоймя у камня, стоял щит, сшитый из костей.

Грид постоял в тени, слушая. Никто его пока не замечал.

Грид переступил порог и встал в проходе, не таясь.

— Ну ладно, — сказал он сам себе, негромко, как говорят перед работой. — Приступим.

Его заметили не сразу. Тишина пошла от дальнего конца зала: сперва повернулись головы у ступеней, потом ближние, и вот уже сотни глаз зажглись по всему залу — жёлтых, мелких, — и разом перестало быть слышно всё. Ни шороха, ни скрежета, только дым ходил под потолком.

Король поднялся. Он был выше своих на добрую голову, и когда крикнул — коротко, режуще, на своём, — по залу пошло движение, будто ветер по ржи.

А потом он сказал уже на всеобщем, спокойно и разборчиво:

— Ты ведь пришёл убить нас, человек.

Грид не ответил: он и вправду пришёл за этим, и врать было незачем.

Грид слушал и не перебивал.

С ним и раньше пробовали договориться. Огры на тракте предлагали разойтись подобиру, тролль под Лавовыми дебрями обещал не трогать деревень, кто-то шипел из темно-

ты про долю в добыче. Всякий раз это была арифметика — двадцать против одного, — и всякий раз эти двадцать считали плохо.

Арифметика в этом зале была другая. Грид глядел на короля и видел не тварь, а воина: так держат копьё не в подземелье, а на войне, и щит из костей поставлен под руку не для красоты. Ему самому этот король был не страшен — ни копьё, ни три сотни глоток за спиной. А вот Броудерз с ним бы не совладал.

А Броудерз был боец хоть куда.

— Уходи, — повторил король.

— Не стоит тратить время, — сказал Грид и шагнул в зал.
— Приступим.

Король проревел что-то, и зал ответил ему разом.

Сперва ударила магия — из-за спин, снизу, с боков: десяток искр, огненных и ледяных, слепых и злых, — а следом пошёл град стрел, коротких, гоблинских, с чёрными наконечниками. Грид скрестил руки перед собой, прикрывая лицо.

Искры гасли о кольчугу, не оставляя следа. Стрелы отскакивали, оставляя на адамантии белые царапки. Один огненный шар прилетел в плечо, лизнул кожаную накладку, и под ней кожа натянулась было волдырём — и затянулась обратно, на глазах у тех, кто это видел.

А потом двинулась орда. Ближние пошли первыми, и весь зал, сотня за сотней, потек в проход.

Грид опустил руки.

Он не шагнул ни вперёд, ни назад. Стоял в проходе, где свод уходил вверх, и сделался тем, обо что разбивается море: зелёное набегало волна за волной, и каждая кончалась.

Он брал их по двое — за шкурки, за ремни, за что попало под ладонь, — и сшибал друг о друга. Кулак шёл коротко, без замаха, и там, где он проходил, оставалось мокрое. Кто-то успел вцепиться ему в ногу зубами: Грид поднял его ногой вместе с ним и опустил обратно. Кто-то лез по спине вверх и сорвался в зелёную давку под собой.

А трупы он под ногами не оставлял. Схваченного он швырял себе за спину, и там всё росло и поднималось, — и скоро у него за спиной встала вторая дверь, из мёртвых.

Проход завалило. Сперва по пояс, потом по грудь, потом вплотную: зелёное перестало набегать и только давило, дышало и скребло снизу — тем, кто лез впереди, места уже не было.

Сколько их там осталось, Грид не считал.

— Теперь достаточно, — прорычал он.

И закричал. Крик пошёл по залу, от стены к стене; с потолка посыпалась труха, а ближние площадки погасли разом, будто кто-то придушил все фитили. По задним рядам пошло движение назад — такое, какое бывает, когда толпа вдруг вспомнит, что у неё есть тыл.

Грид рванул вперёд. На ходу он сгрёб ближнего хобгоблина за лодыжки и поволок за собой, как берут полено, — и

первым же взмахом этой дубины снёс троих.

Он больше не стоял. Он шёл.

Сколько это длилось, Грид не мерил. Когда в зале стало тихо, он стоял один посреди работы: по камню, по стенам, по ступеням — зелёное, мокрое, слоями. Из сотен не осталось никого, кто держал бы оружие.

Кроме одного.

Король не убежал и не спрятался. Он стоял на своих ступенях, где и стоял, — высокий, худой, жилистый, — и в длинных его руках копье наконец легло правильно, а щит из костей поднялся.

Страха в нём не было. Грид искал — и не нашёл: ни в глазах, ни в том, как он дышал, ни в том, как перехватил древко.

— Хорошо, — сказал король. Это было не прощение и не просьба.

А потом он бросился вниз.

Грид не двинулся с места. Руки у него были пустые, и это его не смущало.

Он не стал ждать, пока тот дойдёт.

Грид сошёл с места так, что под сапогами лопнула плита, — и оказался там, где король его не ждал. Рука пошла снизу, всем корпусом, как бьют кувалдой без замаха; удар пришёл в левое плечо, в самое сочленение, и в зале сухо щёлкнуло.

В тот же миг под рёбрами у Грида ткнулось. Не острое и не порез — короткое холодное касание, будто палец сквозь

кольчугу; он успел про это подумать.

Короля сорвало с ног и понесло: десять добрых метров через собственный зал, спиной по камню. Он не упал. Врос, выпрямился, — только щит из костей грохнулся отдельно и покатился, а левая рука повисла плетью.

Под кольчугой у Грида всё ещё стоял тот холод — короткий, аккуратный, как заноза.

Заноза не проходила. Грид повёл плечом, надавил на живот ладонью — под кольчугой тянуло холодом, ровно, не отпуская. Железо так не оставляет. Так оставляет зачарованное.

— На холод, — сказал он вслух. — Не худо придумано.

Король не ответил. Он стоял, где встал, прижимая к боку перебитую руку, и копьё не выпустил; в его длинном лице не было ни страха, ни злобы — одно внимание, каким смотрят на работу, которую нельзя бросить.

Грид кивнул. Без насмешки — так кивают мастеру, который достал тебя там, где не доставал никто.

— Задел, — сказал он. — И на том спасибо. Только дальше уже не про тебя.

А потом шагнул.

Транс он включал редко. Сила у него была своя, всегдашняя, — а транс был про время: с ним мир наливался густым, будто воздух становился водой.

В зале сразу стало тихо и медленно.

Король пошёл вперёд, и это «пошёл» длилось целую веч-

ность. Грид видел всё: как на наконечнике нарастает изморозь, как перекачивается под кожей жила на правой руке, как король переносит вес с ноги на ногу. Видел даже, как по железным кольцам стекает из перебитого плеча кровь и капает с локтя.

С улиткой не воюют. С улиткой успевают.

Грид шагнул вбок, и копьё прошло мимо на добрую ладонь. Он взял древко под самым наконечником.

Древко обожгло: мороз пошёл ему под ладонь, под наручи, до самого локтя, и там осел. Грид не выпустил.

Второй рукой он взял короля за голову, за длинный жилистый затылок, — и крутнул.

Хрустнуло один раз, коротко, как лопается под каблуком лёд в мелкой луже. Дальше голова пошла легко, будто держала её одна привычка.

Туловище ещё мгновение стояло — так стоят вещи, которые не знают, что уже закончились, — а потом завалилось на ступени и осталось лежать на своём камне.

В зале сделалось очень тихо. Дым стоял под потолком, ничем не шевелимый.

Под кольчугой у Грида разжалась заноза. А мороз в древке остался — и уходить, судя по всему, не собирался.

Камни он собирал не спеша. У короля камень оказался крупный, тёмный и тёплый, будто живой, с белой жилкой, что шла изнутри; у лордов — помельче, десять штук, один к одному. Грид складывал их в кожаную сумку на бедре и не

торопился: работа привычная, руки сами знают, где у этой породы прячется камень.

Потом он поднялся на ступени и увидел сундук.

Тот стоял у самого трона — не гоблинской работы, городской: клёпанный, с петлями, с замком и с чужой печатью на боку. Грид присел перед ним, взялся за ушко замка и потянул. Железо отошло вместе с ушком.

— Ну-ка, — сказал он и поднял крышку.

Монет было столько, что считать Грид не стал: медные — россыпью, серебро — в мешочках, завязших один в другой, золото — столбиками, перетянутое шнуром. Сбоку лежал кинжал: короткий, с чёрной костяной рукоятью и клинком, по которому вились тонкие травы — то ли чеканка, то ли письмо.

А под всем этим, у самого дна, лежало кольцо.

Грид потянулся к нему прежде, чем успел подумать, и подержал на ладони: холодное, тяжёлое не по своему размеру. С простым железом так не бывает. Кольцо он сунул в сумку, к камням, а крышку сундука прикрыл.

Остальное пусть забирает Броудерз: у него отряд, ему и делить.

Копьё он взял в правую руку, щит из костей поднял с пола и пристроил на плечо. Кольцо отнесёт Тилдорфу — тот разберётся, отчего железо морозит. А копьё и щит Биору, он любит необычное оружие.

Обратно он шёл быстрее: вниз пробирался на слух, а те-

перь — по своей работе. Проход, заваленный телами, пришлось разгребать: мёртвое лежало плотно, как дрова в поленище.

У лаза его ждали.

Броудерз сидел на камне, подвернув ногу, и работал: вырезал камни, отрезал уши и нанизывал их на прут. Прут успел подрасти, и ушей на нём было много.

— Двадцать два, — сказал он, не поднимая головы. — Покараулил. Иные, гляжу, и в проходе не помещались, лезли по своим.

Наконец он поднял глаза — на копьё, на костяной щит, на залитый лаз во всю его ширь, — и присвистнул.

Лая вышла из-за шалаша и смотрела, прижав к груди аптечную сумку.

— Внутри пусто, — сказал Грид. — И будет пусто.

— Лютый король был, — сказал Грид, принимая топор. — Достал меня: копьём в живот, через кольчугу.

Он тронул бок ладонью. Холода там уже не было, но забывать его Грид пока не собирался.

— Камни? — спросил Броудерз.

— С короля и лордов. Десять и один. — Грид затянул ремень на сумке. — Остальных не потрошил: караулил ты, тебе и счёт.

Он кивнул назад, в темноту лаза.

— И в сундуке ещё есть чем поживиться. Монета, кинжал, всякого наберётся. Кольцо да камни — моё, остальное ваше

с Лаей.

Броудерз поглядел в лаз, потом на него, и не стал ничего говорить, только кивнул.

В Ревгар он вошёл к вечеру, когда тракт уже синел, а окна по обеим сторонам зажигались по одному. Копьё он нёс в руке, костяной щит — на плече; на улице перед ним расходились сами.

Гильдия гудела пуще утреннего.

За стойкой стояла Филиция, статная, в гильдейском жилете, и улыбка у неё вышла прежде, чем она успела надеть на лицо служебную строгость.

— Здравствуй, Грид. Живой.

— Здравствуй. Дирк у себя?

— У себя. — Она потянулась было к копьё, чтобы помочь, и отдёрнула руку: древко было холодное, как зимняя наледь. — Дня не выходит, всё бумаги перебирает.

Грид кивнул и пошёл к лестнице.

На лестнице пришлось приноровиться: щит он снял с плеча и вынес перед собой, иначе тот цеплялся за перила на каждом повороте.

Перед кабинетом Грид остановился и сделал всё по-человечески: копьё прислонил к стене, щит положил плашмя у порога, Черепок — рядом. Сапоги обтёр о половик, хотя знал, что толку от этого мало.

— Это я, — сказал он, постучав. Стучать было незачем, но Дирк не любил, когда входят молча.

Дверь он отворил боком, чтобы не зацепить косяк, и шагнул в кабинет. Дирк сидел над бумагами и уже смотрел на него поверх них.

— Чутьё тебя не подвело, — сказал Грид и, не садясь, остался у двери: сел бы — пришлось бы рассказывать долго.

Дирк отложил перо.

— Такой ватаги я не видел, — продолжал Грид. — Ни на трактах, ни у лаза, ни под землёй. Триста с небольшим, все разом, и ни одного слабака: лорды, рыцари, маги.

Он помолчал.

— И короля такого не видел. Он со мной говорил на всеобщем, складно, как торговец на площади. Понял, кто я, и предложил уйти подобру. Копьё у него зачарованное, щит из костей. Такое под землёй не растёт.

Дирк долго молчал, глядя не на Грида, а на стену за ним, где висела старая карта округи, выцветшая до цвета коры.

— Огры с Хребта, — сказал он. — Гоблины из Низин. Врозь, в две недели, и оба раза валом. Король выходит к людям и говорит. Так не бывает.

Он поднялся и подошёл к окну.

— Так бывает, когда подземелья дышат. Сильный выброс маны, и всё, что под землёй живёт, лезет наружу — от мелочи до короля.

Он обернулся.

— Гнать на зачистку топовые отряды. Или хотя бы на разведку, и не по одному, а по три — с магами, с целителями.

Грид не перебивал. Спрашивать он и не думал.

— Ладно, — сказал Грид и наконец шагнул от двери. — Работу я сделал. А отряды и бумаги — твоя забота.

Он вынул из сумки королевский камень и положил на столешницу, чтобы Дирк видел.

— Этот гильдии не сдам.

Дирк поднял бровь.

— Необычный он какой-то, — сказал Грид и убрал камень обратно. — Тёмный, а внутри жилка белая, будто в нём ещё что-то живёт. Завтра сам снесу Тилдорфу: пусть старик поглядит, он до такого жадный.

— Снеси, — сказал Дирк. — Он своего всё равно не упустит.

От гильдии он пошёл береговой дорогой; дорога в этот час была пустая, озеро стояло как стекло, и обе луны уже отражались в нём.

Ещё издалека он увидел, что в доме горит свет: два окна внизу, одно наверху. Над трубой стоял дым — ровный, прямой, так горит сухое дерево.

У калитки его встретил Ёкс. Тигр потянулся, ткнулся лбом в колено, обнюхал копьё и чихнул — с достоинством, отвернувшись.

Грид приставил Черепокол к стене, снял шлем, повесил его на гвоздь и отворил дверь.

Пахло не пылью и рыбой, как всегда, а едой: крупой, луком, печёным. Пол в сенях был вымыт, а мотки лески со ска-

мьи перебрались на стену и лежали там разобранные, по толщине.

Грид постоял в дверях и выдохнул.

— Я дома, — сказал он вслух и сам не понял, зачем.

В доме было тихо, а потом наверху скрипнула половица, и по лестнице пошли шаги — быстрые, легковатые, с запинкой на последней ступени.

На пороге кухни встала Гвен: рукава засучены до локтя, на щеке мука, в руках тряпка. Уши у неё дёрнулись вперёд, хвост пошёл вбок — она услышала, кто пришёл, ещё прежде, чем скрипнула дверь.

— Ты... — начала она и запнулась. — Я ужин сделала. Каша, и рыба, та, что в погребе. И ещё хлеб, только он...

Ёкс прошёл мимо хозяина в дом, будто тут жил он один.

— Угу, — сказал Грид и поставил копьё в угол, к Черепоколу. — Есть буду.

Гвен улыбнулась.

Не из вежливости — широко, всей мордой, как улыбаются, когда уже и не ждут, что дождёшься. Уши встали торчком, хвост пошёл по полу, как метла, и мука на щеке пошла трещинами.

Она спохватилась и уткнулась в тряпку.

— Я на стол накрыла, — сказала она куда-то в сторону. — Только ты сперва... я воды нагрела, если помыться. Ты весь в этом.

Грид поглядел на себя: кольчуга в бурых потёках, на на-

руках запеклось, сапоги в таком, о чём лучше не думать. Он и правда был весь в этом.

— Угу, — сказал он. — Грей ещё.

Ёкс уже лежал у печи, и там, где он лёг, стало и тепло, и тесно.

В доме стояла непривычная для Грида суета.

Глава 4. Поход по магазинам.

Грид проснулся затемно, сам, как просыпался всегда: без шороха, без толчка, просто открыл глаза — и знал, что выспался. Вчерашнего в нём не осталось ничего: ни тяжести в плечах, ни в пояснице, ни в правой ладони, где ночью сидел мороз. Тело отходило к утру, о чём бы ни просило вечером; Биор называл это «заживает», лекари — регенерацией, а сам Грид никак не называл, потому что не было нужды.

Ёкс растянулся у него поперёк ног, и ноги под ним затекли. Грид выпростался, сел и толкнул тигра в бок ладонью. Тот зевнул — широко, с достоинством, будто это он тут решал, вставать сегодня или нет.

Внизу уже гремело ухватом и тянуло кашей. Затемно в этом доме вставали двое, и оба не спрашивая разрешения.

Кольцо лежало в сумке, холодное.

Грид спустился, умылся в сенях из бочки — вода была как в озере, — и вошёл на кухню, где Гвен уже ставила на стол миску.

— Здорово.

— Здравствуй. — Она обернулась, и уши у неё встали сами. — Садись, каша не ждёт.

Он сел и ел не спеша, всей ложкой, как едят, когда есть время. Между второй и третьей сказал:

— Сегодня пойдём в город. Дел много, и купить надо мно-

го: тебе — сапоги, тетиву в запас, плащ, рубах смену; себе тоже наберётся. В гильдии заодно карточку получишь, Кети с бумагами управилась.

Он отрезал ещё хлеба и добавил ровно, будто про гвозди: — И зайдём к Айзеку.

Гвен замерла с ложкой на весу.

— Я об этом давно думаю, — сказал он в ответ на то, чего она не спросила. — На десять комнат меня одного мало, и порядка от этого не прибавляется.

Ёкс остался за старшего: Грид усадил его у калитки, потрепал за ушами и сказал коротко: «Дом на тебе». Тигр лёг на доски и вздохнул так, что доски под ним отозвались.

Камни он уложил в сумку на бедре, кольцо — во внутренний карман, кошель набил ещё с вечера и повесил под рукой, у самого пояса: покупать предстояло много, а в долг Грид не любил.

Гильдия магов стояла первой по дороге, и он свернул к ней, не раздумывая.

— Сегодня обойдём многих, — сказал он Гвен на ходу. — Хочешь быть авантюристом — с ними дружи. Дешевле выходит, чем потом бегать за ними.

За стойкой сидела Рита и правила что-то в тетради. Она подняла глаза — и не удержалась: посмотрела на копье, на костяной щит, на сумку.

— Тилдорф у себя?

— У себя. — Эльфийка отложила перо. — С утра сердит.

— Идём, — сказал Грид и первым пошёл к лестнице.

В гильдии магов его привыкли видеть иначе: глухой шлем, адамантий, шаг, от которого подрагивает стойка. Этот же поднимался в рубаше, подпоясанной ремнём, с копьём в кулаке и костяным щитом на плече, — и всё равно занимал лестницу целиком. Молодые маги, толкавшиеся внизу с бумагами, разом притихли и подвинулись к перилам: без железа Грид был ненамного меньше, зато его стало видно — шрамы, зелёные глаза, небольшая борода.

— На тебя смотрят, — сказала Гвен вполголоса.

— Пусть.

Наверху пахло дымом, спиртом и чем-то жжёным: у Тилдорфа с утра что-то не задалось.

Грид постучал — коротко, двумя костяшками, как стучал с детства, — и отворил дверь, не дожидаясь ответа.

В мастерской стоял сизый дым: на столе чадила колба, а сам хозяин, в кожаном фартуке поверх мантии и с засученными рукавами, вытирал руки о тряпку. Эльф как эльф, худой и белобрысый, не отличить от сотни других, — если не знать, что за плечами у этого три сотни лет и вся магия империи по кусочкам.

— Кто там ещё, — начал он, обернулся — и на лице у него мелькнула улыбка. Короткая, как искра из кремня, но настоящая.

— Здорово, старик.

— Грид. — Тилдорф отшвырнул тряпку. Взгляд у него

уже пошёл по рукам гостя, к сумке на бедре. — С чем пришёл?

Грид вытряхнул камни на стол: тёмный, с белой жилкой, и десять помельче, один к одному. А рядом положил кольцо.

Мелкие Тилдорф просмотрел не поднимая: повёл по ним ладонью, как проверяют зерно на рынке, и отодвинул.

— Эти — из сильных тварей, лорды, я угадал? Годятся. Цена порядочная, а толку в них ровно на эту цену: мана, и та к вечеру выветрится.

Он смахнул их в ящик стола. Потом взял королевский — и замолчал надолго, так, что стало слышно, как капает из брошенной колбы.

Камень он взвесил на ладони, поскрёб ногтем по белой жилке, отставил к окну. Потом достал откуда-то лупу на длинной ручке, поглядел сквозь неё, нахмурился, протёр стекло о фартук и поглядел снова.

— Такого я не видел, — сказал он наконец. — Мана в нём обычная, как в этих. А под маной сидит ещё что-то, и я не знаю, как его звать.

Он поднял глаза.

— Из кого?

— Из Низин. Король гоблинов.

Тилдорф поставил камень на стол и ладони с него не убрал. Про зелья, которые испортил с утра, он, судя по лицу, забыл.

— Беру, — сказал Тилдорф. — Пятьдесят больших золо-

тых.

Грид поглядел на него.

— Пятьдесят, — повторил старик, выдвигая ящик. Монеты пошли в столбики, одна к одной, без спешки. — И не кривись. За эти десять, — он кивнул на ящик, — по одной за каждый. А этот я ещё изучу, и возможно буду жалеть.

Он отсчитал последний столбик и придвинул его к гостю.

— Не перестаёшь ты меня радовать интересными вещами.

Грид отодвинул столбик обратно через стол.

— За десять возьму. За этот не надо.

Тилдорф перевёл взгляд с монет на камень, который всё ещё держал ладонью, и обратно.

— Он тебе даром достался, — сказал он. — Ты его в норе взял, а не у меня в лавке. Зачем отказываешься?

— Изучи его. А если в нём что-то не так — скажи Дирку, не мне. — Грид пожал плечами, и рубаха натянулась, как на бочке. — Работать я умею, а разбирать такие штуки — нет.

— За это как раз деньги и берут, — буркнул старик, но камень убрал в ящик и запер на ключ, который тут же сунул в фартук.

Грид пододвинул кольцо.

— И вот это погляди.

Тилдорф взял кольцо двумя пальцами — и не сразу: сперва подержал ладонь над ним, будто пробуя воздух. Потом повернул к окну, поскрёб по ободу ногтем и капнул на него из флакона зелёной дрянью. Капля скатилась, не оставив следа.

— Холод не от железа, — сказал он. — Железо так не холодит.

Он ещё повертел кольцо, взвесил на ладони, поцокал языком и отдал обратно.

— Сокровищем не назову. На рынке за него дадут, как за небольшой до, но не больше. Но вещь редкая: мастер с ней кладёт зачарование крепче, чем умеет сам. Если у тебя такой мастер есть — вещь не пустая.

Грид сгрёб монеты в кошель, кольцо опустил в карман и затянул шнурок.

— Знаю, куда пристрою, — сказал он.

— И куда? — Тилдорф даже подался вперёд, но гость уже шёл к двери.

— Биору, — сказал Грид уже от двери.

— Кузнецу, — Тилдорф покивал сам себе, будто и не сомневался. — Ему и неси. Пусть хоть раз в жизни положит зачарование на вещь, по которой не станут бить.

— Спасибо. Выручаешь, как всегда.

Старик отвернулся к столу, но прежде, чем отвернулся, уголок у него всё-таки дёрнулся — то ли улыбка, то ли просто ветер от движения.

— Всегда рад, — сказал он. — Иди. У меня колба ушла, а я с тобой тут разговоры разговариваю.

Грид вышел и притворил дверь тихо, чтобы не звякнуло стекло. На площадке Гвен держала на плече его щит и разглядывала лестницу — сверху вниз, до самого низа.

— Одним делом меньше, — сказал он.

До гильдии искателей было три улицы — через рынок, где с утра уже бранились за место под навесом. Грида узнавали и без железа: расходились, замолкали, кивали. Кто-то за спиной сказал: «Тролля Чума», — и второй отозвался: «Низины вчера чистил, слышал».

— Не оборачивайся, — сказал Грид Гвен. — А то решат, что мы гордые.

Гильдия гудела на все голоса. Кети стояла за стойкой, и, увидев его в рубахе, с копьём и щитом, зачем-то поправила жилет — привычка, от которой она так и не вылечилась.

— Бумаги по Гвен готовы? — спросил он. — Карточку ей, ранг угольный.

— Готовы. — Кети выдвинула ящик, глянула на уши за его плечом и добавила уже мягче: — Шар сейчас вынесу, без него карточку не заполнят.

Кети вынесла шар на сукне: тёмное стекло, величиной с голову ребёнка, в железной подставке, а на боку, где стекло пошло трещинкой, держалась медная скобка.

— Ладонь сюда, — сказала она Гвен. — Не бойся: он потянет ману, но немного. Как будто за руку взяли.

Гвен облизнула губы и поглядела на Грида — так глядят перед прыжком в холодную воду.

— Хорошо, — сказал он. — Давай.

Она положила руку на стекло. Сначала под ладонью ничего не было — только холод, ровный, как у речной гальки.

Кети уже взялась за перо, чтобы писать своё: имя, деревня, ранг.

Потом в глубине шара дрогнуло.

Кети взгляделась в стекло, и перо у неё замерло.

— О-о, — сказала она. — Вот так. Особый навык.

Гвен дёрнула руку, будто её поймали на чужом.

— Какой?

— Шар рисует, а не говорит. — Кети обошла стойку и заглянула в глубину, где под мутным стеклом ходила тонкая жилка, будто кто-то помешивал её ложечкой. — Тут написано: «Тихий шаг». Ходишь и не шумишь, покуда сама не захочешь.

Гвен посмотрела на свои ноги, будто впервые их увидела.

— Полезная штука, — сказал Грид. — Под землёй половину работы делает тот, кого не слышат.

— Ранг я поставлю угольный, — сказала Кети, — как договаривались. Она снова взялась за перо, и глаза у неё блеснули сильнее, чем полагалось служебному человеку.

— Спасибо, Кети, — сказал Грид. Он сказал это без улыбки, как говорят про сделанную работу, и Кети кивнула, не поднимая головы от бумаг.

Карточка легла Гвен в ладони: узкая, с гербом гильдии, и всё на ней уже стояло, как надо, — имя, город, угольный ранг, вписанный магией, а не чернилами.

— Поздравляю, — сказал Грид. — Теперь ты авантюрист. Это уже не отменить.

Гвен держала карточку двумя руками, как держат птицу.

— Спасибо, — сказала она и сама не поняла, кому — ему или Кети.

— Мне за это платят, — ответила Кети и всё-таки подняла глаза. — Иди уже, авантюрист. Не то до вечера расхвастаешься.

Гвен хотела что-то сказать, но уши у неё дёрнулись, и она только прижала карточку к груди.

— Особый навык с первого раза — это хорошо, — сказал Грид, когда дверь гильдии осталась за спиной. — У редкого новичка так выходит. Но шар показал только то, что в тебе уже сидело; остальное придёт со временем.

— Само придёт?

— Само ничего не растёт. — Грид шёл ровно, и щит на плечо ходил в такт шагам. — Одним навык даётся работой, другим — бедой. У меня половина с рождения, половина с топора. Ходи в подземелья, делай своё дело — и остальное себя объявит.

До кузни было две улицы, и ещё издалека стало слышно: молот, шипение и брань.

Молот замолк на полудороге, и Биор выпрямился от наковальни — головой выше Грида, борода в окалине. Хельга стояла у мехов с засученными по локоть рукавами.

— Здорово, мастер.

— Здорово. — Биор утёр лоб тыльной стороной ладони и поздороваться толком не успел: взгляд его уже ушёл мимо

гостя — на копьё в правой руке, на костяной щит у него на плече. Кузнец работал побольше сотни лет и глаз имел наметанный не хуже, чем руку. — Это у тебя откуда?

Ответа он не ждал: шагнул ближе, вытер ладонь о фартук, будто собирался брать не оружие, а горячее.

— Дай-ка.

Хельга глянула на девушку за плечом Грида, на её уши, и улыбнулась ей одними глазами.

Биор взял копьё, повернул к свету, и ладонь у него сразу пошла сжиматься выше — там, где Грид сам держал под наконечником.

— Не на наковальне это ковали, — сказал он наконец. — И железо тут, Грид, не железо.

— Возьмёшь? — спросил Грид.

— Копьё возьму. — Биор всё держал его на весу, не отдавая. — Пять больших золотых. Работа чужая, да хорошая; такой я, почитай, не видывал.

Он шагнул к верстаку и снял с плеча гостя щит, постучал по нему пальцем, будто по бочке, перевернул и хмыкнул.

— А щит я у тебя не куплю.

— Почему?

— Больно необычный. — Кузнец провёл ладонью по костям, будто считал их. — Он держит пять ударов. Любых: хоть моего молота, хоть твоего Черепокола. Пять — и рассыплется костями. Потом, если дать срок, соберётся обратно.

— Какой срок?

— Откуда ж мне знать. Я такого не ковал и ковать не стану. — Биор поставил щит на верстак. — Может, кому и продашь; только не в Ревгаре. Мне без надобности.

— Тогда полежит, — сказал Грид и потянулся за щитом.

— А, — сказал Грид и хлопнул себя по карману. — По-годи.

Он вынул кольцо и положил его на верстак перед кузнецом. Железо стукнуло глухо, как стучит в наковальню что-то сытое.

— Держи. Это тебе.

Биор взял кольцо двумя пальцами и сразу переложил в ладонь: холод шёл от него ровно, не согреваясь.

— Откуда?

— Из королевского сундука, из Низин. Тилдорф смотрел. Сокровища в нём нет, а вещь редкая: мастер с ней кладёт зачарование крепче, чем умеет сам. — Грид пожал плечами. — За то, что всегда подсобляешь. По-другому я не умею.

— «Подсобляю». — Кузнец хмыкнул. — Я тебе кольчугу ковал, а не подсоблял.

Он ещё подержал кольцо, потом положил его на верстак, рядом с копьём, и накрыл ладонью.

— Кольцо на дорого тянет, — сказал он. — Но раз от тебя, возьму. И с ним что-нибудь тебе выкую.

— Мне как раз приодеть кое-кого надо, — сказал Грид и кивнул на Гвен. — Лук, стрелы, короткая сабля. Как раз и

кольцо опробуешь.

Кузнец обернулся и поглядел на девушку сверху вниз, не спеша, как смотрят на лошадь перед барышником: на плечи, на предплечья, на её лук за спиной.

— Тяга какая?

— Я со своего охотничьего

в глаз с пятидесяти шагов бью, — сказала Гвен и уши прижала, будто ждала подвоха.

— Ну-ка. — Биор велел ей взять лук, поглядел на руки, на левое плечо и хмыкнул. — Деревенская работа. Такую тягу и сама подберёшь.

Он подумал.

— Саблю сделаю, стрелы тоже. А лук — не моя рука: за ним тебе к Лизиной лавке. У неё всякого хламу на три склада, да попадаются и луки.

Грид отцепил от пояса мешок, запустил в него руку по самое плечо и выложил на верстак два слитка мифрила и рулон тролльей кожи — тяжёлый, в палец толщиной, лёгший с мягким стуком.

— Саблю — из мифрила. Снаряжение — вот из этой кожи, с мифриловыми пластинами. И зачаруй по стандарту: лёгкость и прочность, как на моём. Тех пяти больших за работу хватит?

Биор не ответил сразу: отсек от слитка уголок, поглядел на излом, развернул кожу, постучал по ней ногтем.

— Хватит, — сказал он. — И на зачарование хватит; с

кольцом оно пойдёт крепче, чем я умею.

— Пластины мои, — сказала Хельга и потащила кожу к своему верстаку, на ходу прикидывая, сколько выйдет.

— Руку покажи, — велел Биор Гвен.

Мерил кузнец молча и быстро: шнурком с узелками прошёл по плечам Гвен, от кисти до локтя, обхватил талию, что-то буркнул под нос — то ли про узкую кость, то ли про то, что зверолоудская рука ему в работе ещё не попадалась. Хельга стояла рядом с мелом и записывала числа прямо на верстаке.

Гвен держала руку, как велено, и дышала через нос; хвост у неё стоял, как палка.

— Два дня, — сказал Биор, разогнувшись, и швырнул шнурок на верстак. — К вечеру второго будет готово: сабля, пластины, зачарование на них. Стрелы принесу к тому же сроку.

— Добро.

— И кольцо, — кузнец глянул на своё кольцо, лежавшее под ладонью, — спасибо, добавлю ко всему кинжал.

Он пошёл к горну, а вслед добавил, не оборачиваясь:

— За луком всё равно к Лизиной лавке. У неё хлам, но иной хлам лучше нового.

— А теперь пойдём к Айзеку, — сказал Грид, когда кузня осталась за спиной и звон в ушах поутих.

— К работорговцу? — переспросила Гвен, и хвост у неё пошёл вбок.

— К Айзеку. Он торговец. Людьми.

— Зачем?

Грид не ответил сразу: шёл, глядя поверх голов, туда, где над крышами вился дым.

— В доме нужны руки, — сказал он наконец. — Кто-то варит и стирает, покуда я неделями под землёй. А эти люди у него стоят в клетках и ждут, к кому попадут. Ко мне им будет лучше.

Гвен помолчала шагов двадцать и не стала спорить — то ли приняла, то ли отложила до другого раза.

Двор у Айзека был широкий и выметенный, как в хорошей усадьбе. Под навесом вдоль стены стояли скамьи, и на них сидели люди — не в клетках, а будто на постое: женщина штопала рубаху, старик плёл из лыка, мальчишка гонял по двору прутиком. Пахло варёным и щёлоком.

Сам Айзек вышел на крыльцо, вытирая руки о полотенце. Увидел гостя — и полотенце полетело на перила.

— Грид! — Он сбежал по ступеням и остановился в двух шагах, чтобы не лезть с объятиями. — Тролля Чума. Вот кого не ждал. Что ж не предупредил? Я бы стол накрыл.

— Здорово, Айзек.

— Здорово, здорово. — Торговец глянул на костяной щит, на девушку за плечом гостя и при ней спрашивать не стал. — Проходи в дом. С дороги — так с дороги.

— Я по делу, — сказал Грид.

Айзек кивнул и словно подобрался: гостеприимство от-

ставил, деловитость достал с полки.

— Тогда в дом.

В доме было прохладно и чисто: на столе — счётные книги, в углу сундук с замком. Грид сел на скамью, и та под ним скрипнула, осев. Айзек устроился напротив, положил руки на колени — слушать чужое дело он умел, оттого и жил хорошо.

— Нужны руки в дом, — сказал Грид. — Готовить, стирать, прибирать, за двором смотреть. Я неделями под землёй, а дом у меня большой и пустой.

— Дело понятное. — Айзек покивал. — Семью возьмёшь или одного человека?

— Семью, — сказал Грид. — Одному человеку в моём доме скучно, а семье есть за что держаться.

Айзек покивал, будто и ждал такого ответа.

— Есть у меня на примете одна. Мужик сорока лет, Фрэд, жена его Мария и девчонка, Флио, восьми лет. — Он помолчал, подбирая слова, и всё-таки сказал как есть: — Они ко мне сами пришли, втроём. Дочка у них помирала, лекари отказались, а эликсир исцеления болезней стоит таких денег, каких у них отродясь не бывало. Продались, купили, выходили. Девка теперь бегают и песни поёт.

Грид слушал, не перебивая.

— Долг свой они знают, — добавил Айзек. — Фрэд мужик ответственный, Мария готовит так, что мои объедки уходят первыми.

— Веди, — сказал Грид. — Гляну.

Привёл он их скоро. Фрэд вошёл первым — мужик сорока лет, в чистой рубаше, и очень хотел показать, что не боится; выходило наоборот, и шапку он в руках уже успел закрутить в жгут. Мария держала дочку за руку и держалась ровно. А девчонка смотрела на Грида во все глаза, задрав голову.

— Здравствуйте, — сказал Фрэд и поклонился ниже, чем следовало. — Господин искатель.

— Не кланяйся, — сказал Грид. — Я не господин.

Флио дёрнула отца за рукав и сказала громким шёпотом, каким дети говорят самое важное:

— Пап. Это же тот дядя из историй. Который троллей.

Фрэд сжал её руку, Мария придвинула дочь к себе — но лицо Грида не изменилось.

Он присел на корточки, и им стало не так высоко друг до друга.

— Троллей было меньше, чем рассказывают, — сказал он и улыбнулся.

Грид выпрямился и заговорил — коротко, по порядку, как читают смету.

— Жить будете за стенами, у озера, в домике для прислуги. Дров сколько понадобится, еда и одежда с меня, жалование — по пять серебряных на душу в месяц. Служба простая: варить, прибирать, за двором смотреть.

Фрэд слушал и не верил — шапка в его руках замерла.

— А печать? — всё-таки спросил он.

— На вас поставят, как положено. — Грид глянул на Айзека и кивнул на девчонку: — А на неё — нет. Никакой.

— Без печати она... — начал торговец.

— Сбежит — значит, хозяин никудышный, — сказал Грид.

Он снова обернулся к Фрэду.

— Отслужите, сколько захотите. Надумаете уйти — отпускаю, вольными. Обещаю при свидетеле.

Флио потянула отца за рукав и спросила громко, не таясь:

— А тигр у тебя правда есть?

Фрэд открыл рот, закрыл и поглядел на жену. Мария держала дочку за плечо и тоже молчала: пять серебряных на душу в месяц — за такое в деревне иным мужикам тяжким трудом не вытянуть. Айзек стоял в стороне и не перебивал.

— Господин... — начала Мария.

— Грид, — сказал он. — Просто Грид.

Флио по-прежнему держала голову задраной.

— Тигр есть, — сказал Грид. — Ёксом зовут. Страшный, не спорю: с доброго телёнка. Но хорошего человека он не тронет — ни пальцем. Он у меня для злых гостей поставлен.

Девчонка выдохнула и заулыбалась так, что и Фрэд невольно улыбнулся вслед за ней.

— Только за уши его не тяни, — добавил Грид. — Вот этого он не любит.

— Значит, договорились, — сказал Грид и полез за кошелём.

Айзек принёс счётную книгу и плоский железный ящичек. Монеты легли на столешницу столбиками; Грид отсчитал и не торговался: за людей он торговаться не умел.

— Фрэд. Правая рука, ладонью вверх.

Фрэд шагнул, как шагают к приговору, и Мария тронула его в спину ладонью — не то подтолкнула, не то придержала.

Печать Айзек ставил сам, привычно: железо легло на ладонь, в ящичке что-то щёлкнуло, и на коже у Фрэда остался тусклый знак, будто вдавленный остывший воск. Мария подставила руку сама, не дожидаясь, чтобы её позвали.

Флио заглянула отцу через локоть и спросила тихо:

— А мне?

— А тебе не надо, — сказал Грид.

За троих Айзек взял семьдесят больших золотых и, называя цену, глядел мимо — знал, что мог бы запросить и больше. Грид отсчитал не торгуясь. Кошель заметно осел, но неподъёмной такой суммы для него не было: случались месяцы, когда подземелья и заказы приносили по тысяче, и он потом не знал, куда девать деньги.

— Значит, так, — он обернулся к новым людям. — Держитесь пока за мной.

Айзек проводил его до крыльца.

— Заходи, Грид. Стол я всё-таки когда-нибудь накрою.

— Зайду.

У ворот Грид повернул не к дому, а в сторону торговой улицы.

— Теперь к Лизи? — спросила Гвен.

— К Лизи, — сказал он. — Закупимся всем, чем надо.

Колокольчик над дверью звякнул, и лавка приняла их в себя: стеллажи до потолка, проходы в две ладони, и всюду — ножи, склянки, сапоги, книги и такие вещи, которым названия не всякий придумает. Пахло воском, кожей и пряностями.

Эльфийка за стойкой обернулась на звон и обрадовалась ещё прежде, чем узнала вошедшего.

— Здорово, Лизи.

— Грид! — Она шагнула навстречу, но глаза у неё уже ушли выше его лица, на плечо. — А это что?

— Костяной щит. Гоблинского короля.

— М-м, — сказала Лизи и обошла его кругом — как обхаживают покупателя, только наоборот. — Кости ремнём сшиты вкривь, а держится. Знаешь, сколько я за такое возьму?

— Сколько? — спросил Грид.

Лизи потрогала костяную пластину кончиком пальца — осторожно, как трогают горячее.

— Двадцать золотых дам хоть сейчас, — сказала она. — Тридцать — через месяц, если найду покупателя подальше Ревгара: в Белгаре до диговин охочи.

— Не продаю.

— Я так и подумала. — Она выпрямилась и улыбнулась без обиды. — Но надумаешь — чтоб первым делом ко мне. Запомнила, где брал. — Лизи постучала пальцем по виску.

Она вернулась за стойку и хлопнула по ней ладонью, будто по столу в таверне.

— Ну, а теперь говори, за чем пришёл.

— Лук для неё, хороший, — сказал Грид и кивнул на Гвен. — Стрелы к нему. Ей же — одежды и обуви на каждый день, комплекта три; не на праздник, а чтобы в грязи не жалко. И постельное бельё, на четыре кровати.

Лизи вытащила из-под стойки тетрадь и застрочила пером.

— Ногу какую носишь? — спросила она Гвен, не поднимая головы.

Он обернулся. Флио стояла между родителями и смотрела на верхнюю полку, где, свесив лапы, сидел тряпичный полосатый зверь с бисерными глазами и довольной мордой.

— И вон ту мягкую игрушку, — сказал Грид.

— Господин... — начала Мария.

— Грид, — поправил он.

Лизи поглядела на девчонку, потом на него и поставила в тетради ещё одну закорючку.

Лизи не ходила за товаром, а летала: три рубахи, две пары штанов, куртка, плащ, две пары сапог и ремни — всё легло на стойку прежде, чем Гвен успела заикнуться про размер. Бельё она закатала в холстину отдельно и перевязала бечёвкой.

— Размер брала на глаз, — сказала Лизи. — Тесно будет — не рвать, неси обратно.

Игрушку Грид снял с полки сам и отдал Флио просто, как отдают хлеб.

— Спасибо, — сказала та шёпотом, прижимая зверя к груди, и Фрэд положил ей ладонь на макушку.

Гвен смотрела на это и молчала; хвост у неё шевельнулся сам собой.

— Теперь лук, — Лизи упёрлась ладонями в стойку. — И сразу сказывай, сколько кладёшь. Мне надо знать, из какой кладовой нести.

— Столько, чтоб не оглядываться, когда дорога плохая.

Лизи присвистнула и ушла в заднюю дверь.

Лизи вернулась с двумя свёртками и развернула их на стойке.

Первый был длинный — выше Гвен на добрую ладонь, светлый, с дымными жилками по кости и резаным узором по плечам.

— Из кости магического зверя, — сказала Лизи. — Для открытого боя: бьёт далеко и зло, и щит его не остановит. Только в чаще с ним не развернёшься.

Второй лёг рядом короткий, стянутый чёрной смолой, с мифриловыми накладками у самых плеч.

— Чёрный яшень. Зачарован на легкость: в руке ничего не весит, бегаешь и стреляешь на ходу, и враг тебя не догоняет.

— Сколько? — спросил Грид.

— Оба по пятнадцать больших золотых, — сказала Лизи.

Гвен поперхнулась воздухом и закашлялась в кулак: за та-

кие деньги в её деревне покупали две избы с двором.

Грид потянул тетиву на коротком, отпустил.

— Тебе с ним ходить, — сказал он Гвен. — Который?

Гвен открыла рот — и закрыла. Грид на неё не смотрел, но сказал ровно и веско, так, что спорить стало не о чем.

— Это не покупка. Это твой напарник, ему ты жизнь доверять будешь. За такого не торгуются.

Гвен постояла, вздохнула и протянула руку к короткому.

Он и вправду почти ничего не весил: чёрный ясень лежал в ладони, как прут, и даже мифриловые накладки не оттягивали. Она вскинула его, натянула тетиву до уха, повела плечом, примеряясь к чужой руке, и опустила.

— Туговато, — сказала она.

— Новая, — отмахнулась Лизи. — К зиме сядет по тебе.

Грид отсчитал монеты на стойку, и Фрэд шагнул вперёд, чтобы забрать свёртки и узел с бельём — но сначала заглянул жене в лицо, будто спрашивал разрешения.

— Спасибо, Лизи, — сказал Грид.

— Заходи ещё. — Лизи убирала со стойки нераспроданное и всё-таки глянула на его плечо. — И подумай над тем, о чём я говорила.

— Подумаю.

Колокольчик звякнул у них за спиной.

День шёл к вечеру. Фрэд нёс свёртки, Мария — узел с бельём; Флио шагала рядом с матерью, держа полосатого зверя обеими руками. Гвен то и дело трогала свой лук через плечо:

он и вправду почти не оттягивал.

За городскими воротами стало просторно и запахло водой. У калитки, где тропа поворачивала к озеру, уже сидел Ёкс: услышал и вышел встречать.

— А тигр нас ждёт, — сказала Флио.

— Ждёт, — сказал Грид.

Ёкс обнюхал гостей не спеша: прошёл вдоль Фрэда от сапог до шапки, и Фрэд вытянулся, как перед старшим по чину. Мария потянула дочку за плечо, но Флио уже тянулась к полосатой морде.

— Не бойся, — сказал Грид. — Понравишься — хвостом махнёт.

Он толкнул дверь. В доме горели лампы, пахло печным и сладким, а на кухне сидела Лизель — дочь Дирка, в домашнем платье, с кружкой в руках, будто тут была половина её дома.

— О, — сказал Грид. — Здорово.

— Здорово. — Она встала и осеклась, глядя мимо него, во двор: на мужика с узлами, на женщину с девочкой, на Гвен с луком за плечом. — А это кто?

— Гвен, из Крутобережья, — сказал Грид. — Живёт у меня. При ней уже гильдейская карточка.

Он кивнул на дверной проём, где стояли трое.

— Фрэд, Мария, дочка их Флио. С сегодняшнего дня живут здесь: двор, стряпня, порядок.

— Понятно, — Лизель кивнула и смотрела на него чуть

дольше, чем требовалось. Потом сняла с гвоздя плащ.

— Тогда я в другой раз. У тебя и без меня дел полно.

— Хлеба возьми, — сказал Грид.

— Обойдусь. — Уже в дверях она не удержалась: — Отец-то знает?

— Узнает.

— Ну-ну. — Лизель усмехнулась и всё-таки оглянулась на Гвен, стоявшую у стены с луком в руке. — Заходи, кошачья. Покажу тебе город, пока его хозяин по подземельям.

Дверь закрылась, и в доме сразу стало слышно, как потрескивают дрова.

Грид взял с гвоздя фонарь и повёл их через двор.

Домик для прислуги стоял в дальнем углу, у самой воды: три комнаты, кухня с печью, стол, лавки, сундук под бельё. Пахло нежилым — пылью и остывшим дымом.

— Обустраивайтесь, — сказал Грид и поставил фонарь на стол. — Дрова в сарае, вода в колодце, котёл найдёте. Утром скажу, за что братья; сегодня — разбирайте узлы.

Фрэд кивнул и взялся за дверь, чтобы придержать её перед женой.

Гвен тем же шагом пошла к тренировочной площадке: там, у забора, стояли чурбак и старый щит с мишенью, избитый в щепу.

— Стой, — сказал Грид.

— Рёбра почти не... — начала она и осеклась под его взглядом.

— Они срastaются месяц, — сказал он. — У меня — день.
У тебя — месяц.

Гвен посопела, посмотрела на мишень, потом сняла с нового лука тетиву и повесила его в сенях на гвоздь.

Обходя двор, Грид поглядел на окна: в домике у воды горел огонь, и слышно было, как Мария укладывает Флию; у Гвен наверху тоже светилося.

Он сам не заметил, как встал посреди двора и слушал — тихо, ровно, будто проверял, всё ли на месте. Всё было на месте.

В спальне он повесил Черепок под потолок, кольчугу сложил на стойку и загасил лампу.

Ёкс вошёл в темноте без приглашения, взгромоздился на постель, потоптался и лёг, положив голову ему на ногу. От него пахло сеном и водой.

Дел на завтра не осталось: к Биору — через два дня, к Тилдорфу — когда позовёт. Грид лежал и слушал, как в доме, кроме него, кто то есть.

Глава 5. Это моя работа

Карточка подняла его раньше, чем он сам решил проснуться. Она лежала на подоконнике, и горела ровным зелёным — тем, каким гильдия зовёт, когда ждать не станут. Отблеск ходил по стене, по накладкам у двери, по обуху Черепокола под потолком, и спальня делалась похожа на чужую: опрятную, деловитую, из которой вставать не хочется ни капли.

Грид поглядел на неё из-под руки.

— Ну вот, — сказал он в потолок. — Опять.

Так его поднимали не впервые: третьего дня она вытряхнула его из этой постели по зелёным из Низин, парой недель — по ограм, и те и другие об этом пожалели. К зову в гильдии объяснений не прикладывали — встаёшь и идёшь.

Ёкс перевалился на бок и выпустил ноги. Внизу уже топили: Мария вставала затемно и без спросу. Грид потянулся за рубахой и штанами с накладками на бёдрах. Это была его работа, и она знала, где он живёт.

Он одевался быстро и без раздумий, как одевался перед дорогой: рубаха через голову, штаны с накладками на бёдрах, высокие сапоги, кольчуга — та села по плечам сама, — сверху кожа наплечников и нагрудника, наручи на предплечья, глухой шлем. Черепокोल лёг за спину, мифриловой рукоятью поперёк лопаток; стало тяжело и привычно.

Ёкс поднялся с постели нехотя, потянулся всем телом и пошёл за ним по лестнице, стуча когтями по половицам.

Внизу пахло печёным и дымом. Мария стояла у печи с ухватом, Фрэд вытирал стол, Флио сидела на полу, а тигр уже улёгся рядом с ней на доски, будто только этого и дожидался.

— Гильдия зовёт, — сказал Грид от порога, не садясь. — Дрова в сарае, вода в колодце, за двором глядите. Обед без меня.

Он взял со стола краюху и вышел.

Гвен стояла у самой воды, спиной к дому. Озеро в этот час было белое и ровное, как остывший металл, и в нём дрожал свет из кухонного окна.

Грид подошёл и встал рядом. Она глянула на кольчугу, на рукоять Черепокола за его плечом — и всё поняла без слов.

— Гильдия?

— Гильдия.

— Надолго?

— Как пойдёт.

Он помолчал, глядя, как над водой поднимается дымка.

— Пока меня не будет, ты не кисни. Сходи к Кети, попроси списки: кто в каких подземельях живёт, чем берёт, чего боится. И слушай, о чём отряды у стойки говорят, — у них вся наука в разговорах, а не в книгах. Монстра мало увидеть, его надо знать прежде, чем он тебя увидит.

Ёкс вышел за ним следом, потянулся и сел у крыльца: провожать хозяина до калитки он считал своим правом.

Гильдия гудела по-утреннему, но посреди зала была про-
реха: у доски заказов лежали дорожные выюки, на скамье си-
дели четверо, ещё не отмывшиеся от тракта. Высокий эльф
разматывал с предплечья прожжённую обмотку, а девуш-
ка-целитель грела над свечой иглу.

Ларс поднял голову первым.

— Тролля Чума. — Он встал и улыбнулся ровно настоль-
ко, насколько полагалось золотому рангу. — А я уж думал,
гильдия тут без тебя осиротела.

— Вернулся?

— Нынче к утру. Север, неделя, два выхода наверх. При-
вели всех, кого увели, и ни одной штуки, за которую стоило
бы заходить к Тилдорфу.

Он потёр предплечье и поглядел на рукоять Черепокола
за плечом Грида.

— Слышал, ты короля взял. Один, через сотни.

— Ага.

— Ну иди. — Ларс шагнул вбок, освобождая дорогу к
лестнице. — Тебя с рассвета ждут.

Грид кивнул Ларсу и пошёл через зал к стойке. Гул перед
ним расступался сам собой, и у стойки, как всегда в этот час,
стояла Кети с пером в руке, над развёрнутой книгой; она по-
розовела прежде, чем успела надеть служебное лицо.

— Здорово, Кети.

— Здравствуй. — Она выпрямилась и зачем-то поправи-
ла жилет. — Глава у себя. С самого рассвета, велел, как при-

дёшь, — сразу наверх, не задерживаясь.

Он поглядел на её перо, у которого кончик был обломан и заново подточен, и кивнул.

— Гвен зайдёт днём, — сказал он. — Дай ей списки: кто в каких подземельях сидит, чем берёт. Пусть читает, покуда рёбра срастаются.

— Сделаю, — сказала Кети и всё-таки смотрела ему вслед, пока он шёл к лестнице.

Дверь кабинета была притворена неплотно, и из щели тянуло табаком и старым деревом. Грид стукнул двумя костяшками, как стучал с детства, и вошёл.

— Прикрой, — сказал Дирк вместо приветствия.

Грид прикрыл и остался стоять у порога.

Дирк был у стола, а не у окна. Листы лежали перед ним не столбиками, как всегда, а как попало, и один он держал в руке, не читая; трубка в плоске давно погасла. Таким он был в тот год, когда с Хребта пошли огры.

— Хорошо, что пришёл, — сказал он и отложил лист. — Садись.

Грид кивнул на бумаги.

— Говори.

Дирк поглядел на него, вздохнул и сел сам — тяжело, будто разом набавил себе десяток лет.

Дирк разгладил лист ладонью — привычка, оставшаяся от писарей.

— Север. Горы, выше последнего тракта. Там тролль.

— Тролли на севере не диво, — сказал Грид.

— Этот диво. — Палец Дирка прошёл по бумаге. — Ходит там не первый месяц, и никто его не видал: ни охотники, ни конвой. Тропы обходит, стойбища стороной, а по дорогам ставит ловушки — ямы с кольями, петли на звериных тропах. И бьёт из лука из-за камня, в спину.

Он помолчал, собираясь с тем, что сказать дальше.

— Троль идёт напролом. Троль с лука не бьёт. В старых книгах такое зовут девиант — дурная тварь: и крепче своей породы, и ведёт себя не по ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.